

Д. Мукинъ

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

II

"Жить стало лучше,
жить стало веселее".
Сталин.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ.
ч. I. 1929 - 1933 г.
на Юге

Нас трое студентов находилось на педагогической практике в селе Яблуновке Нскаго района, когда пришло известие, что большевики собираются загнать всех крестьян в колхозы.

Дальновидные люди говорили еще во время чистки партии, а затем советского аппарата, происходившей в 1929 году, что большевики затевают что-то сложное и большое. Этой затеей оказалась окончательная ликвидация НЭП-а, и развертывание соц. наступления по всему фронту.

~~И действительнѳ~~ Осенью 1929 года начался настоящий поход на крестьян у которых требовали отдать государству хлеб. Поход этот сопровождался экономическим и политическим террором, что испытала и Яблуновка. Нескольким десяткам хозяйств были доведены так называемые "твердые" или "индивидуальные" задания или, как их на месте называли, "планы до двора". Согласно такого плана крестьянин обязывался сдать государству большое количество хлеба, зачастую превышавшее собранный им урожай. За невыполнение его на хозяйство налагался денежный штраф в пятикратном размере рыночной стоимости несданного количества зерна. Поскольку такой штраф для большинства был непосильным, то имущество твердозаданца конфисковалось и шло в продажу на покрытие штрафа. Зачастую продавалась и изба. Хотя твердое задание, как правило, давалось более зажиточным крестьянам, но многие середняцкие хозяйства также падали его жертвой. Местные партийные ячейки и советы могли маневрировать, исходя из политической обстановки села. Иногда твердозаданцем становился даже маломощный середняк, если кто из руководителей имел на него злобу. Это имело место и в Яблуновке. Уполномоченным Районного Комитета Коммунистической партии и Районного Исполнительного Комитета по проведению хлебозаготовок был председатель Рай КНС /районного комитета незаможных, т.е. бедных крестьян/ пьяница Прытула. Прытула славился во всем районе своим

развратом, пьянством и дикими речами, которые он всюду произносил порою без всякого на то повода. Для выписывания извещений твердозаданцам Прытула велел сельскому совету мобилизовать нескольких девушек "да смотрите мне, вызывайте помоложе и покрасивее" говорил Прытула. В числе вызванных была 18-летняя Аня, черноглазая красивая девушка, дочь многодетной вдовы середнячки. Аня очень понравилась Прытуле, который сидя за столом, как в цветнике посреди лучших девушек села, то и дело доставал из под скамейки литровую бутылку и похмелялся. По окончании работы твердые задания были разосланы адресатам, а девушки отпущены домой. Одну Аню задержал Прытула и сказал, что он пойдет к ней обедать. Всю дорогу Прытула заплетающимся языком объяснялся Ане в любви, отчего ее бросало в дрожь. За обедом он объявил свое намерение осчастливить Аню женитьбой на ней. Она бедная чуть не подавилась от страха и отвращения вызванного таким предложением. Прытула старался красочно обрисовать то большое "счастье", которое он ей принесет. Надо заметить, что Прытула в свои 40 лет был женат уже на седьмой и платил алименты пятерым.

Аня и мать ответили ему, что желание его не может быть удовлетворено. Но это не смущало Прытулу. Не стесняясь матери, он здесь же за столом пытался целовать Аню. Его свинные заплывшие и закисшие глазки совсем исчезали при смехе, а багровый и прыщеватый нос, размером в хороший лапоть, низко повисший почти прикрывая собою рот, еще больше загибался книзу, как бы стремясь сомкнуться с далеко выдвинутым вперед раздвоенным подбородком. Когда приставания Прытулы стали нестерпимы, Аня встала из-за стола и, несмотря на угрозы самозванного гостя, стучание кулаком по столу и битье посуды, больше не села и не отвечала на его разговоры. Видя, что согласия на женитьбу с Аней не добиться, Прытула поставил условие - или же она выйдет за него замуж, или же он завтра вручит им твердое задание, а через пять дней они станут нищими. Всю ночь не давал Прытула никому спать, а утром хорошо позавтракав и выпив пол литра водки, которую по его требованию купили, ушел в сельсовет и прислал твердое задание на 800 пудов хлеба. Через неделю все имущество, а также хата и прочие постройки были проданы, а семья Ани, ставшая бездомной и нищей, пошла к родственникам просить приюта. Как и все репрессированные твердозаданцы, она также лишалась избирательных прав. Две младших сестренки Ани учившиеся в семилетней школе были выгнаны оттуда, как "чуждый элемент". Старшая из них училась в 7 классе,

причём выказывала незаурядную даровитость и мать с Аней мечтали сделать из нее врача. Она пошла с матерью к секретарю райпарткома Когану, стали на колени и умоляли его разрешить девочке закончить школу. Но просьбы были напрасны. Девочка все не унималась, обливаясь слезами, она припадала перед ним к земле и молила не губить ее. Но секретарь грубо раскричавшись: "вон отсюда враги", выгнал их в шею. Затем, вызвав зав.отделом народного образования, приказал немедленно проверить все школы и удалить оттуда детей твердозаданцев и прочих "чуждых"...

Для проведения сельской сходки по вопросу о коллективизации в Яблоновку приехал тот же Прытула. Свой доклад он начал с международного положения. Эта часть "доклада" состояла из нескольких заученых советских выражений вроде "мировых акул", "лордам по мордам", которыми и манипулировал Прытула на все лады. Затем он перешел к периоду гражданской войны, в которой он, по его словам, играл выдающуюся роль и получил ранение. Правда, знавшие его говорили, что он "провсовал" на кухне. Его попытка сделать мундштук из капсюля от гранаты кончилась тем, что ему оторвало кисть руки, каковое ранение он и выдает за боевое, Трудно было удержаться от смеха, слушая его повествование на ужасном языке в таком духе: "и вот ветир з наших як подуеть, так уся бела сволоч и упадеть и издохнить, не надо и пулей расходувать". Видя, что люди смеются он продолжал: "а если хто не верить, то той есть сам контра и паразит и я предлагаю его нимедлино схватить и отправить". Затем он перешел к главной теме своего доклада - к коллективизации. Он говорил о том, что всякий умный человек должен идти в колхоз добровольно "пока вас не попросылы". Трудно было понять его доклад, но фразы "пока вас не попросылы", а также "будем ликвидировать всяких кулаков и контреволюцию" - настораживали крестьян. Прытула предложил резолюцию, привезенную им из района, в которой говорилось, что собрание крестьян села такого то одобряет политику партии в деле проведения коллективизации и ликвидации кулачества и постановляет "всем честным труженикам беднякам и середнякам объединиться в колхоз под знаменем Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина." Резолюция завершалась призывом: "вперед на штурм мирового капитала".

С мест слышались реплики: "вы коммуны сначала наладьте, как следует. Мы насмотрелись за 8 лет на ее жизнь", "не хотим голодать, как голодают коммунары. Только мамалыгой и живут и то не вволю". "ты сам первый вступай в колхоз, а потом и мы за тобой".

Прытула прекратил реплики, как "кулацкие" и поставил вопрос на голосование. Из четырехсот присутствующих за принятие резолюции не подняло руки ни один человек. Против подняли руки человек 50. На вопрос "кто воздержался?" Поднялись сотни рук. Прытула предложил желающим записываться в колхоз. Но ни один человек даже из числа коммунистов не записался. Все желавшие уже раньше вступили в коммуну, находившуюся на территории сельсовета. Коммуна владела лучшей землей, а также имела огромную паровую бывшую помещичью мельницу. Но самый бедный крестьянин Яблоновки жил все же лучше членов коммуны. Кроме того, он оставался свободным человеком. Те, кто вступили в коммуну, сдав туда все свое имущество, и рады бы уйти снова хозяйничать единолично, но это было не так то просто. Кроме того, такие люди рассматривались властью, как неблагонадежные. Так и уехал Прытула ни с чем. Крестьяне самодовольно посмеивались, думая, что этим попытка коллективизации и кончилась. Правда некоторые, более проницательные, и такие имевшие связи среди районных и окружных чиновников не были столь оптимистичны. Некоторые стали срочно распродавать имущество, иные, распродав все, уезжали из села, но таких в селе оказалось всего несколько семейств. Никто, конечно, из самых проницательных крестьян да и местных коммунистов не знал о том, как далеко пойдет дело с коллективизацией. Даже большинство районных руководящих работников видели не дальше наперед, чем позволяли видеть статьи, помещавшиеся в центральных газетах и открытые, всем известные советские законы и распоряжения печатавшиеся в "Известиях" и "сборниках узаконений и распоряжений". Лишь верхушка района знала, что все писавшееся открыто, представляло из себя лишь ширму. Подлинные же "узаконения и распоряжения" часто противоречащие всему, что писалось открыто, т.е. для народа получались из окружного комитета партии и ЦК через фельдсвязь ГПУ и являлись совершенной тайной. Среди получаемых совершенно секретных директив были такие, которые имел право читать один лишь секретарь Райпарткома и по прочтении немедленно возвращал их обратно. Только в этих тайных инструкциях говорилось о предстоявшей жесточайшей войне против крестьянства и предупреждалось, что всякий промах, всякая ошибка таит в себе опасность. Как на главнейшие условия успеха коллективизации указывалось на: необходимость установления железной дисциплины в партии, на поднятие политической бдительности коммунистов и на сплочение вокруг местных парторганизаций надежного актива из числа беспартийных. Указывалось также на применение раскулачивания как

средства парализующего "кулацкое" влияние на крестьян и разоружающего "кулаков" экономически. Количество подлежащих раскулачиванию должно было зависеть от "конкретной обстановки".

Особое внимание уделялось предстоящему сопротивлению и возможности эксцессов и делалось строгое предупреждение о готовности к экономическим репрессиям, политической и физической изоляции людей явно или тайно противодействующих коллективизации и раскулачиванию. В инструкциях давался план на сколько % и к какому сроку должен быть коллективизирован район.

Одним из главных пунктов было предупреждение районным руководителям об их ответственности за выполнение плана коллективизации. Они предупреждались, что за провал коллективизации, или неумение справиться с возможными политическими осложнениями они будут привлекаться к строгой ответственности вплоть до снятия с работы, исключения из партии и предания суду.

В свою очередь ГПУ имело указания о подготовке к выселению и о готовности к подавлению в случаях противодействия коллективизации, как со стороны отдельных лиц, так и групп, а также указание, как поступать в случае восстания.

Прокурор имел также тайное распоряжение о быстром оформлении дел по срывщикам коллективизации и разных мероприятий, направленных к ее обеспечению, а судья о разборе таких дел вне очереди и о вынесении предельно строгих приговоров /принимая максимальные меры пресечения, указанные в уголовном кодексе/. Даже комсомол, профсоюзы и кооперация получали по своей линии тайные директивы с указанием, что они должны делать для обеспечения коллективизации района и предупреждались о суровой ответственности за пассивность или неумение сделать то, что от них требуется. Таким образом, коллективизация района начиналась тем, что все районные работники получили первый солидный заряд страха, который они должны будут передать и своим подчиненным.

Районный комитет партии должен был ежедневно телеграфировать окружному о ходе коллективизации. Для полной шифровки телеграмм ЦК партии разослал всем райкомам шифровальные коды, к работе с которыми допускался кроме секретаря райкома, лишь его заместитель /но отнюдь не технический помощник/.

Проведение собраний по селам силами районных работников, в числе

которых были и столь безтолковые как Прытула, было лишь пробным шаром.

Вслед за тем в район приехал один из ответственных работников округа некто Соломин в качестве уполномоченного окружного комитета партии, а с ним группа человек в 30 городских коммунистов.

Поскольку опыта по насильной коллективизации партия еще не имела, то в указаниях ЦК давались лишь общеполитические установки, руководствуясь которыми местные партийные органы должны были проводить сплошную коллективизацию.

Тактика первого наступления была подробно разработана под руководством Соломина на тайном заседании райкома вместе с наиболее важными особами из числа присланных окружкомом уполномоченных. Было решено сосредоточить все силы на пяти селах, считавшихся самыми "тяжелыми", "кулацкими" с тем, чтобы сломив сопротивление этих сел, лишить остальные села образца сопротивляемости. Среди "кулацких" сел числилась и Яблоновка, не смотря на то, что она была одним из самых бедняцких сел и насчитывала больше бывших красных партизан, воевавших за советскую власть, чем любое другое село в целом районе. Эти бывшие красные партизаны причиняли немало хлопот власти. Они неохотно сдавали хлеб, неохотно платили налоги, во много раз превышавшие те, которые им приходилось платить при Царе. Ни за что не соглашались делать самообложение для постройки моста, исправления дорог, постройки школы, считая, что государство берет достаточно большие налоги и обязано за счет них производить эти работы. Чем жизнь становилась труднее, тем громче и громче раздавались голоса бывших партизан "за что боролись? За что кровь проливали?" Они вели себя довольно смело и не стеснялись присутствием разных начальников. Остальное население по мере возможности следовало примеру тех, кто на своих плечах принес им советскую власть. И вот за такую сопротивляемость Яблоновка и получила название "тяжелаго кулацкаго села". В Яблоновку приехала бригада, состоявшая как из прибывших из округа, так и районных работников во главе с председателем райисполкома Будяком. Будяк состоял в этой должности всего один месяц с тех пор, как его предшественник за "якшанье" с твердозаданцами был снят с должности и исключен из партии. Будяк тогда заведывал районным земельным отделом. Он, отличаясь высокой "классовой бдительностью" и непримиримостью к "врагам", как следует приложил руку к тому, чтобы убрать "мягкотелаго" председателя

райисполкома, в надежде занять его место. Так и случилось. Разослав свою бригаду, состоявшую из десятка человек, по дворам "сватать" крестьян в колхоз, сам решил провести собрание сельского КНС. Однако, на собрании он встретил сильный отпор и, главным образом, со стороны красных партизан. Когда Будяк раскричался, обзывая их подкулачниками и грозя арестами, то на собрании поднялся невообразимый гвалт и возмущенная беднота разошлась, оставив Будяка только с председателем и секретарем КНС. Вернулись бригадники и передали, что ни один человек не согласен вступить в колхоз. Как и Прытула, Будяк уехал в район ни с чем. Почти с такими же результатами возвратились Соломин, Коган и другие. В селах, куда они ездили, в колхозы записалось всего по несколько бедняков. Попытка добиться от бедноты решений о раскулачивании не встретила поддержки. Соломин и Коган понимали, что за такие "успехи" коллективизации они могут в течение одной недели потерять партбилеты это в лучшем случае. От страха за свою судьбу мозги у них заработали быстрее. Они увидели, что совершили большую ошибку, начав с "кулацких" сел. Они также лишний раз убедились, как мало правды в словах ЦК о том, что крестьянские массы "стремятся" в колхозы, но никто не заботится об их организации. Особую тревогу внушало то, что сопротивление было встречено прежде всего со стороны бедноты. Самое тяжелое поражение было нанесено в бедняцкой и партизанской Яблоновке. На этот раз решено было ехать такими же крупными бригадами в наиболее "легкие" села в надежде превратить их в опорные пункты по коллективизации района.

Инструктируя бригады уполномоченных, Соломин делал главный упор на раскол крестьянской массы. Он говорил, что нужно прежде всего найти опору среди бедноты и с помощью ее установить какие хозяйства в селе можно подвести под кулацкие. И затем добиться от собраний бедноты постановлений о раскулачивании. Чтобы беднота на это пошла, нужно возбудить в ней ненависть к зажиточным, разжигая чувство зависти к ним, а также обещать, что раскулаченное имущество будет продано ей по дешевой цене, скот и инвентарь пойдет в колхоз, в который беднота должна вступить первой. Тех из бедняков, которые будут противиться раскулачиванию и коллективизации, нужно заклеить, как подкулачников, выгнать из собраний и исключить из КНС. Среди середняков нужно нащупать особенно влиятельных и попытаться через них повлиять на крестьянство, побуждая его вступать в колхозы. Если это не поможет, тогда этих лиц, как вражеских "вожаков" наряду с другими

раскулачить и создать материал для их ареста. "Если мы, говорил Соломин, таким образом сплотим вокруг себя бедноту и вовлечем ее в колхозы, уничтожим зажиточную часть села и лишим остальную массу всякого антиколхозного влияния, ей ничего иного не останется делать, как следовать за беднотой в колхозы, ибо каждый середнячек будет опасаться чтобы не попасть в число раскулачиваемых. Дабы середняка держать все время в напряжении, а у бедняка все больше разжигать чувство ненависти к "врагам" и делать его все более и более действенным, чтобы не допустить разбазаривания имущества хозяйств намеченных к раскулачиванию, необходимо заранее произвести опись всего имущества". Соломин - бывший политич.комиссар красной армии и окончил коммунистический университет, где специально обучают классовой ненависти и борьбе и, поэтому, он после одного своего выезда в село хорошо сориентировался в существующей политической обстановке в стане противника, т.е. крестьянства и сумел разработать тактику наступления включающую разведку, разстройство рядов противника посредством пропаганды и подкупа и закрытие путей для отступления, вследствие чего уцелевшему противнику не остается иного выхода, как "добровольно" сдаться, т.е. вступить в колхоз. С таким планом бригады выехали в "легкие" села. Соломин и Коган на этот раз оставили за собой лишь функции инспектирования, иначе, в случае их провала, как случилось в прошлый раз, им было бы труднее применять репрессии к провалившим дело уполномоченным, которых они послали и будут посылать впредь в села. Убедив разными средствами бедноту и разгромив ее руками пару сотен "кулаков" в "легких" селах, бригадам удалось создать колхозы, которые местами охватили процентов 30 населения и прежде всего значительную часть бедноты, соблазненной кулацким имуществом должнствующим послужить первоначальной производственно-технической базой колхозов. Первые успехи окрылили Соломина и районных руководителей. Оставив часть уполномоченных в "легких" селах для продолжения работы по коллективизации остальные были брошены во все другие села, кроме "кулацких". Дополнительно были мобилизованы все коммунисты, работающие в райцентре, от которых можно было получить хоть какую нибудь пользу для коллективизации. Каждый день многократно из округа звонили по телефону справляясь о ходе коллективизации. Окружное начальство уже начинало упрекать Когана и Соломина, что они "пасут задних" и требовало энергичных и решительных мер - нещадной ломки "кулацкого сопротивления". Однако несмотря на самые "решительные и

энергичные" меры не во всех селах удалось провести раскулачивание и создать колхоз. На страницах окружной газеты появилась первая сводка о ходе коллективизации. Один район сумел уже "охватить" коллективизацией 50% хозяйств, тогда как Н-ский район имел пока всего около 15%. В комментариях к сводке говорилось, что там, где на местах сидят подлинные большевики, сумевшие развернуть большую политическо-массовую работу среди крестьянства, оно с "радостью" откликнулось на призыв партии, идущей навстречу его желаниям и проявляя свою "любовь" и "доверие" к ней, массами повалило в колхоз, там же где местные руководители "благодаря" и все "раскачиваются" вместо них инициативу в свои руки взяли кулаки и разные крайне враждебные элементы и им удается пока "удерживать" "рвущихся" в колхоз массы крестьян. По адресу отстающих делалось строгое предупреждение. Говорилось, что проведение коллективизации — это политический экзамен для каждого коммуниста. Разумеется, что в газете не помещалась сводка о ходе раскулачивания. Да и ни одного слова о раскулачивании не было. Районные организации ежедневно засыпались целым потоком тайных директив, запросов, требований, угроз. Заместитель секретаря райпарткома не успевал расшифровывать и шифровать телеграммы. Напряжение в районе все возрастало. У районщиков все больше и больше отражался страх на физиономиях. Каждый крестьянин чем дальше, тем сильнее чувствовал нависавшую грозу, но большинство еще цепко держалось за единоличное хозяйство - основу своей жизни и благополучия. В Яблоновке, как и во всем районе в 1928 году было проведено землеустройство. Крестьяне не жалели больших денег для того, чтобы получить возможность перестраивать свое земледельческое хозяйство на более культурное. Теперь же оказывалось, что все эти затраты, что все волнения из-за того какая земля будет нарезана были напрасны. Власть давно имела замыслы лишить всех земли и заставить работать на "панщине" но пока давала возможность крестьянам тешить себя. Яблоновские крестьяне ходили в разведку в те места, где уже работали бригады по коллективизации и приносили оттуда вести одна другой страшнее. Крестьянин лишался земли, должен был отдать лошадей, коров, свиней, овец, даже птицу, весь инвентарь, все зерно. Ему не надо было трудиться чтобы все это отвезить или отводить. Достаточно было дать "согласие" на вступление в колхоз, как специальные бригады появлялись на дворе и все это увозили или угоняли. Не желая сдавать все в колхоз люди начали резать птицу, убивать, или же угонять куда-то скот на продажу, а зерно прятали. Яблоновцы убедились, что до них очередь дойдет неизбежно

и начали убой скота. Уполномоченные райкома, сельсоветы, партъячейки и агенты ГПУ доносили своим начальникам о том, что делается. Начальники в бешенстве метались по району, отзывали и выгоняли из партии неспособных уполномоченных. Сотня за сотней хозяйств, созданных тяжелым трудом, наиболее трудолюбивых и старательных крестьян подвергались раскулачиванию. Конфисковалось все вплоть до старой рубашки и битаго горшка. Посредством личных обысков отбиралось все что человек имел в кармане - деньги, документы, облигации займов, серебряный нагрудный крестик, или колечко. Остальные крестьяне, не желая подвергнуться той же участи вынуждены были идти в колхоз. Но шли далеко не все. Рискуюя быть раскулаченными, большинство все же было не в силах порвать со своим хозяйством, меняя его на "чужую" работу. Соломин и Коган искали причин медленного темпа коллективизации. Получаемые ими за семью печатями грозные директивы и телеграммы предупреждали их, что если дело не поправится, дни их сочтены. Не имея возможности быстро связываться с уполномоченными и сельскими властями ввиду бездорожья и отсутствия телефонной связи, они ежедневно строчили столь же строгие директивы и грозные предупреждения к своим уполномоченным и отсылали их со специальными гонцами, скачущими галопом.

Соломин и Коган решив что писанные директивы действуют слабо и, что посланные ими уполномоченные не чувствуют в достаточной степени ответственности, начали регулярно собирать совещания всех уполномоченных, председателей сельсоветов и секретарей партъячеек. На первом таком совещании некоторым уполномоченным "закатили" выговоры с предупреждением за их оппортунизм, не умение внести дифференциацию в среду крестьян, возбудить ненависть к кулакам и сплотить вокруг себя бедноту.

Из докладов с мест Соломин и Коган сделали вывод, что кроме "оппортунистической безхребетности и беззубости" уполномоченных виной медленного темпа коллективизации являются кулаки, как те, которые уже раскулачены, так и те которые еще "маскируются" среди середняков. Ответственность ложилась также и на духовенство и на все прочие "чуждые" элементы, проживающие в селах. Был дан сигнал к еще более жестокому наступлению. Кроме того, решено было часть уполномоченных, отличившихся в работе бросить в "кулацкие" села, так как наличие нетронутыми таких "враждебных гнезд" создавало надежду у части крестьян других сел на то, что, гляди, кампания скоро закончится и их

оставят в покое. Эти уполномоченные ударники должны были взять с собой особенно отличившихся своей жестокостью и непримиримостью к "врагам" народа местных активистов, успевших основательно поживиться за счет "кулацкого" имущества, купив его по дешевке, да и в карман положив незаметно кое-что. В Яблоновку прибыло трое уполномоченных. Главным был Хайкин, приехавший в числе первой группы из округа, где он работал заведующим отделом народного образования. С ними приехало также человек 15 колхозных активистов. Хайкин собрал партъячейку, комсомольцев, учителей местных школ, а узнав, что здесь работают студенты практиканты вызвал и нас. Мы было запротестовали и сказали, что через пару дней нам надо уже уезжать в институт. Но Хайкин раскричался на нас: "кто вас кормит, кто вас учит, для чего на вас государство деньги тратит" и сказал, что мы должны включиться в работу по коллективизации, отложив пока отъезд за что он отвечает, а не мы. Всех собравшихся Хайкин распределил на тройки и разослал разъяснять крестьянам "преимущества" колхоза и убеждать их идти в колхоз. Я пошел с местным коммунистом работавшим секретарем сельсовета и одним из приехавших с другого села активистов. Этот активист, будучи сам мал ростом был одет в длинное пальто с чужого плеча, и непомерно большие сапоги. Всюду, куда мы приходили крестьяне задавали первый вопрос секретарю сельсовета "а ты пойдешь в колхоз?" Ставя его в весьма неловкое положение. Пожимая плечами он отвечал: "но у меня же служба" на что ему замечали "служба тебе не мешает вести приличное хозяйство". Активист скороговоркой доказывал, что колхоз это "земной рай" и хвастал тем, что уже успел получить от колхоза пальто и обувь, а еще, мол, и не работал. На это крестьяне отвечали, что, мол, это грабленное, а что касается "рая", то когда мы увидим этот рай, тогда сами будем решать, ибо в рай не надо силою загонять. А если будет такой "рай" как Яблоновская коммуна, то все равно, что вступать в колхоз, что быть раскулаченным." Активист очень сердился и говорил: "а что же вы думаете няньчиться с вами будем! Не хочешь в колхоз идти добровольно, значит враг, к ногтю, к ногтю тебя!" В этот же день Хайкин написал бумажку Соломину о целесообразности задержания в районе на период коллективизации всех студентов, находящихся на практике, что и было сделано. Вечером Хайкин собрал бедноту и выступил с двухчасовым докладом о пользе коллективизации и о выгодах для бедняков от раскулачивания, если они вступят в колхоз. Приехавшие активисты также выступали с речами, но Яблоновцы осаждали их ироническими замечаниями. Затем Хайкин предложил список "кулаков",

добиваясь от собрания решения об их раскулачивании. Бедняки стали один за другим выступать и хвалить этих "кулаков", как честных тружеников и благородных людей не раз выручавших бедноту из беды. Хайкин поставил вопрос на голосование, прибегая к обычному тогда приему... "кто против раскулачивания этих паразитов - тот против Советской власти, те пусть подымут руки". Ясно, что против советской власти никто не осмелился голосовать, даже бывшие красные партизаны, так как такое поднятие руки означало бы немедленный арест и верную гибель. "Значит против раскулачивания нет ни одного человека? Будем считать, что решение о раскулачивании зачитанных здесь двенадцати хозяйств принято единогласно", сказал Хайкин. "Как принято, кричали Яблоновцы, вы же и не ставили на голосование этот вопрос". Шум нарастал. Хайкин начал спрашивать фамилии ближайших к нему бедняков, которые выражали недовольство и записывать их. Видя это, собрание затихло. Хайкин сделал объявление, что такие то трое подкулачников срывающих коллективизацию и выступающих против раскулачивания арестовываются и будут отправлены в ГПУ. Глухой ропот пошел по залу, но уже никто не осмелился громко выразить свое возмущение. Поручив Председателю Сельсовета отправить арестованных под замок, Хайкин предложил председателю КНС назначить пять бригад для раскулачивания. Когда тот составил списки и объявил, почти все записанные заявили, что они не пойдут. Тогда Хайкин потребовал их исключения из КНС. Стали одного за другим исключать при чем голосовали не за исключение, а против. Поскольку против исключения подымалось лишь несколько рук наиболее смелых людей, то Хайкин объявил "ясно что большинство за исключение". Было исключено несколько человек. Другие же заявили, что согласны идти на раскулачивание. "Не сам иду, говорил один бедняк, меня посылают все равно как на войну." Но нашлись и такие, которые заявили: "можете меня исключать, будьте неладны с вашим комнезамом /КНС/" и удалились. Распределив между бригадами по раскулачиванию приезжих активистов и назначив руководителей, Хайкин послал их на раскулачивание, требуя немедленно выбрасывать каждую семью на улицу, разрешая одевать лишь самую рвань и не давая взять даже куска хлеба. Бригады пошли. Была полночь. На дворе трещал мороз. Затем Хайкин послал привести священника и псаломщика. Их привели.. "Почему люди не идут в колхоз?" спрашивал их Хайкин. "А мы то откуда знаем". Ответили они "Знать не нравится им, что не идут. А наше дело церковное, мы к политике не касаемся". "Не касаетесь когда вам не выгодно касаться! А крестьян

уговариваете, чтобы не шли в колхоз." кричал Хайкин. "Нас не проведете мы все знаем!" Удивленные священник и псаломщик крестились. "Откуда еще такая напасть на нас," говорили они. "Я требую кричал Хайкин, чтобы вы завтра в церкви обратились к крестьянам призывая их вступить в колхоз". Этому я сделать не могу, отвечал священник "Мое дело проповедывать слово Божие, а политикой пусть занимаются гражданские власти, на то они поставлены". "Раз так, так я вас арестовываю" заявил Хайкин. Священник и псаломщик были арестованы и заперты в холодный сарай, где находились уже до костей промерзшие бедняки. В разных концах села слышались вопли раскулачиваемых, ревел скот, скрипели телеги.

По случаю Воскресенья в церковь стал собираться народ. Все уже знали об аресте батюшки и псаломщика, но надеялись, что их хоть к службе освободят. ~~Но их так и не освободили. Хотя Яблоновская церковь всегда была полна народом, но на этот раз молящиеся еле вмещались. Молитвы лились с небывалым усердием. Многие плакали.~~

Когда народ стал расходиться, не дождавшись службы, Хайкин окружил всех своей бригадой, местными коммунистами и комсомольцами и погнал на собрание. На дверях он поставил активистов и велел никого не выпускать. Сам же сделал доклад о коллективизации. В своем докладе он заявил, что если не будет создан колхоз - это явится свидетельством сильного кулацкого влияния, и он вынужден будет подвергнуть раскулачиванию еще много хозяйств. Кто-то спросил: "А разве вступление в колхоз не добровольное?"

"Как недобровольное", ответил Райкин. Совершенно добровольное". Партия знает, что каждый честный крестьянин "хочет" идти в колхоз, "рвется" в колхоз, но, находясь под влиянием кулаков не может свободно выразить свою волю. По мере же уничтожения кулаков, крестьяне, освобождаясь от их влияния, будут массами вступать в колхоз, как вступают в других селах".

"Знаем мы, как они "добровольно" вступают" слышались снова реплики. А я вот не хочу в колхоз и силой меня не затащите".

"Честный крестьянин, продолжал Хайкин, не может не хотеть идти в колхоз. Раз вы не хотите в колхоз, значит вы замаскированный кулак, или же находитесь под кулацким гипнозом. И мы будем до тех пор громить кулаков, пока от этого гипноза вас не освободим."

"Пока не дойдет до меня очередь на раскулачивание", послышался женский голос.

Кто то говорил к соседу "вот так, Петро, выбирай, или в колхоз, или быть тебе раскулачену".

Хайкин решил, что пора ставить вопрос на голосование.

"Я голосую, обратился он к собранию: кто против вступления в колхоз - тот против советской власти, тот пусть подымет руку?" Никто рук не поднял. "Значит будем считать, что все вы единогласно решаете вступить в колхоз? Вот и хорошо. Сейчас мы приступим к выборам правления и ревизионной комиссии. Прошу называть кандидатов. Никто никого не назвал и в зале царило гробовое молчание. Раз никто не хочет называть кандидатов, так я сам буду называть кандидатов, сказал Хайкин "Вот вы, как ваша фамилия?" Моя фамилия Швець" ответил крестьянин, но я в колхоз не вступал и не собираюсь вступить" "Как вы не вступали, закричал Хайкин, ведь вы же не голосовали против." "Вы голосуйте не против, а кто согласен вступить в колхоз, тогда видно будет сколько есть желающих." "Ах ты кулачуга, ты меня учить будешь" закричал Хайкин. "Как это мы его не раскулачили этого типа." "Я вас прошу не оскорблять меня. Я красный партизан. И много здесь присутствующих были партизанами тогда, когда вы под стол пешком ходили. Не за колхозы мы тогда воевали - за землю и свободу, а оно вон что получается", ответил Швець.

Хайкин арестовал Швеца, как кулацкого агитатора и отправил в сарай, где еще сидели священник и псаломщик. Остальные же арестованные были утром отведены в ГПУ с соответствующим пакетом.

Все попытки Хайкина избрать Правление несуществующего колхоза не привели ни к чему и он, измучав в течение нескольких часов людей, стоящих на ногах, распустил собрание, ругаясь и грозя репрессиями.

В другом селе, где Хайкин до этого времени был, дело обстояло проще. Там на собрании бедноты было решено создать колхоз. Из бедняков, записавшихся в колхоз - избиралось правление и назначались бригады для стаскивания имущества от всех тех крестьян, которые присутствовали на аналогичном собрании и не голосовали "против вступления в колхоз. Поскольку же в Яблоновке беднота отказалась создать колхоз, здесь не было из кого избрать правление и соответствующие бригады.

Вечером из под ареста были освобождены священник и псаломщик, а

через десять минут раздавался колокольный звон, сзывавший верующих на службу Божью.

В понедельник Хайкин пришел в школу и прервав урок, устроил проверку познаний учеников в политике. Проверка показала, что никакого "классового воспитания" в школе не ведется. Дети не имеют представления, что это такое коллективизация. На вопрос Хайкина, знают ли дети что такое кулаки, они смеясь показали свои кулачки. На вопрос, знают ли они что такое раскулачивание, один мальчик встал и бойко ответил: "это когда грабят, как мою тетю ограбили." Зав.Окр.ОНО Хайкин возмущенный политической неграмотностью детей, предупредил учителя /имеющего 40-летний стаж/, что если он не перестроит обучение детей и не будет их воспитывать в коммунистическом духе, то будет снят с работы также, как это было сделано Хайкиным в предыдущем селе. "Пусть ученик немного отстает в чтении, письме, арифметике это не велика беда, говорил Хайкин, но если он невежественен в вопросах жизни и строительства нашей страны, если он не знает что такое коммунистическая партия, если он не знает великого попечителя о себе тов.Сталина - это преступление. Преступлением является также то, что ваши ученики вместо ненависти к церкви и попу все еще ходят в церковь. Это попросту уголовщина с вашей стороны. Хайкин и двое других уполномоченных, а также председатель сельсовета, секретарь партячейки и мы - студенты зачисленные в уполномоченные должны были явиться на районное совещание. Что касается колхозных активистов, то они были отпущены по домам еще в Воскресенье. На совещание собралось очень много народу. К этому времени приехала новая большая партия уполномоченных из округа, в том числе двадцатипяти тысячники /мобилизованные в счет 25 тысяч коммунистов, подлежащих отправке на руководящие работы в колхозы, согласно решения ЦК ВКП/б/.

Коган сделал сообщение, что район коллективизирован всего на 30%, т.е. ниже среднего процента по округу. Он перечислил процент коллективизации отдельных сельсоветов. Наряду с сельсоветами, где охват является равняется 60%, Яблоновка, и еще два сельсовета не дали пока ни одного %. Коган объяснял все недостаточными большевицкими качествами уполномоченных и местных коммунистов. Узнав, что из четырех Яблоновских коммунистов ни один не изъявил желания вступить в колхоз и что Хайкин на это не реагировал, он обвинил Хайкина в близорукости и только этим объяснил неудачу с организацией колхоза, за что он предложил объявить Хайкину выговор. Дальше он обвинил Председателя РИКА

Будяка в срачивании с кулачеством, поскольку Будяк не позволил раскулачить сестру своей жены, а также провалил коллективизацию по сельсовету. Он также объявил о том, что Прытула, пьянствуя у одного "кулака" своего старого приятеля, потерял секретную директиву райкома о коллективизации. Коган жаловался, что среди коммунистов, как местных, так и приезжих очень мало способных и стойких большевиков. "Много кустарника в лесу, а попробуйте найти ровную палку. То кривая, то суковатая, так и с нашими коммунистами, говорил Коган, тот имеет на себе кулацкий горб, тот какими то оппортунистическими сучьями порос. Я думаю, что должны будем самым безпощадным образом почистить наш кустарник и многих горбатых и сучковатых сделать ровными. Или мы сделаем это, или нас окружной комитет всех разгонит к черту и пришлет других людей. По словам Когана одной из причин срыва планов коллективизации является отсутствие борьбы с церковниками. Из 28 церквей за 2 недели закрыто всего 3. Одна из церквей была закрыта посредством собирания подписей учеников, расписывающихся "за папу и маму". Коган обвинил Хайкина в близорукости также и за то, что он, сделав хорошее дело арестовав попа, потом отпустил его, чем лишь укрепил его авторитет в селе и обусловил еще большее сплочение крестьян вокруг "мракобесов". Один священник, видимо, будучи сильно напуган отрекся от сана, наивно думая, что этим он спасется от последующих репрессий и гибели. Кроме того, Коган "убедил" отречься одного раввина, а синагога была немедленно занята под школу. Раввин был многосемейным и жил чрезвычайно бедно. Евреи почти все были объединены в различные артели промкооперации и ~~должно быть~~ сами уже забыли о прежнем достатке, но главное – это успешность безбожной пропаганды среди них, и содержать его ~~не могли~~ раввина было некому. Коган же пообещал ему, что если он отречется, он его пошлет на должность бухгалтера в артель, но обманул и бывшему раввину пришлось самому искать себе пропитание черной работой.

Выступивший Соломин потребовал исключения из партии и отдачи под суд Будяка и Прытулы, а кроме Хайкина предложил и на некоторых других уполномоченных наложить разные партийные взыскания. Он предупредил местных партийцев, что если они действительные, а не "липовые" коммунисты, то должны первыми вступить в колхозы, а также первыми должны идти раскулачивать своих родителей и братьев, ибо для них интересы партии должны быть выше всяких родственных связей, в

противном случае он требовал немедленного исключения их из партии. Действительно многие коммунисты так и поступали, однако им ну удалось этим смыть такое "пятно" как родственные связи с "кулаками", каковыми они сами объявили своих родных за их нежелание идти в колхоз. Все эти коммунисты впоследствии были и сами ликвидированы.

Соломин очень ругал уполномоченных и представителей местных властей за то, что в сельсоветах не установлено круглосуточное дежурство, как это введено напр., в райпарткоме еще с осени 1929 года. Дав новую зарядку для наступления на кулачество и контрреволюцию и предупредив тех, кто не выведет свои сельсоветы, из "провала" Коган закрыл совещание. Затем было оформлено исключение из партии Будяка и Прытулы. Они были арестованы и сразу отправлены в окружную тюрьму.

Хайкин и два его товарища вернувшись в Яблоновку не знали что им дальше делать и за что браться. Они себя чувствовали здесь лишними. Особенно Хайкин потерпевший такое поражение на собрании бедноты и на собрании всего села и получивший кроме того выговор от райпарткома, не находил себе места. Он и другие уполномоченные начали сами ходить по дворам, пытаясь завести знакомство и дружбу но все их встречали с нескрываемой враждебностью. Время шло, а Яблоновка оставалась без колхоза, показывая "дурной" пример иным селам. Быть может под влиянием Яблоновки, в Андреевке собрались женщины, пошли в колхоз и начали забирать своих коров, свиней и ловить не успевших сдохнуть кур. Больших трудов там стоило уполномоченным и местным коммунистам отстоять "колхозное добро". Пришлось пустить в ход огнестрельное оружие и все же не обошлось без ранений кое-кого из них кольями и вилами, с которыми пришли колхозницы.

Райком видно потерял всякую надежду на коллективизацию Яблоновки наличными в ней силами. "Ломать кулацкий лед" как тогда говорили, приехал сам Соломин. Он решил начинать с маленькаго. Его целью было создать себе хоть небольшую опору для начала. Целый день он беседовал то с коммунистами, то с бедняками и, наконец, нащупал 3 таких среди бедняков, которых можно было использовать для своих целей. С их помощью он подобрал еще группу в 7 человек. На следующий день, пригласив местных коммунистов, всех уполномоченных, ~~в том числе и нас,~~ а также этот десяток бедняков и уединившись в одной из свободных комнат школы, помещавшейся в доме, где раньше жил священник, Соломин начал

совещание. Очевидно, он хорошо знал человеческую психику, и знал как иногда доверие подкупает человека больше нежели деньги, особенно, если оно происходит в атмосфере таинственности, как для заговора, ~~он начал~~ ~~ее~~ ~~вещание~~. Изображая на лице выражение глубокой благожелательности, и дружбы Соломин начал, обращаясь к крестьянам: "Товарищи, я не напрасно сюда вас созвал. Я целый день изучал село, пока наконец нашел вот эту маленькую группу людей единственную и исключительную, которой, я надеюсь, можно доверять. Я узнал, что лучшими из лучших среди населения Яблоновки являетесь вы и вам, как достойнейшим, придется в дальнейшем управлять людьми. Доверяя вам, партия облечет вас властью и не вы будете спины гнуть перед другими, а вас будут почитать, уважать и слушаться." Совершенно очевидной была льстивость речей Соломина, но простые, доверчивые, политически наивные люди не понимали, что этим ходом их хотели подкупить, расположить к себе, подговорить к восприятию того, что будет говориться дальше. Видно было, что некоторым из них такая сладкая речь большого начальства так превозносящего их и обещающего власть, а следовательно и достаток, весьма поправилась и они заметно волновались. У них даже появлялся какой то особый блеск в глазах. "Несмотря ни на что, ни на какие препятствия, все равно мы требование партии выполним, говорил Соломин. Конечно, мы не собираемся создавать таких нищих колхозов, как ваша соседняя коммуна. И вы не должны слушаться лживой агитации коммунаров, направленной против коллективизации. Что они нищие в этом их вина, ибо таковы у них руководители и такая работа. Мы же создадим колхозы мощные, зажиточные. Колхозники в них будут жить лучше, чем теперь живет любой кулак. Почему же крестьяне и даже беднейшие из них не идут в колхоз? Потому что боятся, что там жизнь будет хуже, чем в единоличном хозяйстве." "Это верно, верно, так и есть" загудели бедняки. "Так вот, товарищи, разве партия ваш враг? Она вас хочет к лучшей жизни привести. И гляди, через 2-3 года, где нибудь в 1933 году вы, оглядываясь назад и вспоминая как вы боялись идти в колхоз смеяться над собою будете. Так будет светла и богата ваша жизнь. Но ничто не дается без борьбы. Мы готовы всех за собой вести, кроме явных врагов, которые подлежат истреблению. Но кто не с нами - тот против нас, против партии и против советской власти. И каждый бедняк должен будет решать с партией он, с силой, или же против нее. Против рожна не попрешь. Я понимаю вас, товарищи, что вы воспитаны в духе мира, любви, привязанности к людям,

раболепия. Вы не желаете другим зла. Но все ли такие у вас в селе? Конечно не все. Мы отбрасываем всякие ложные учения, что якобы мир держится любовью. Наоборот, как установлено великими учителями марксизма вся история человечества есть жесточайшая борьба. А основой борьбы есть ненависть одних людей к другим. И если вы не питаете ненависти к другим, так это не значит, что другие не питают ее к вам, правда маскируясь красивыми словами и лицемерными улыбками. Я это вам сегодня же докажу фактами. Многие из вас когда то с оружием в руках боролись против несправедливости и неравенства. Но к сожалению, еще и сейчас есть большое неравенство хотя бы в вашем селе. Теперь настало время когда мы осуществим действительное равенство. Соломин не разъяснил конечно, что это уравнивание произойдет посредством обнищания более зажиточных и тогда все станут равными в нищете, как не объяснил и того, что по мере обнищания народных масс будет расти благополучие руководящей верхушки и что пропасть между ними будет непрерывно увеличиваться, по мере оформления, кристаллизации двух наиболее антагонистических в мире классов: класса совершенных рабов-заклученных и паразитического диктаторского класса коммунистической бюрократии.

Для того, чтобы помочь вам понять причины вашего бедственного положения, продолжал Соломин, а также открыть вам глаза, я попрошу вас назвать мне крестьян вашего села, которые подходили бы под какие-либо из следующих признаков:

Нанимали когда-либо батраков, или сезонных и даже поденных работников. Особенно указать случаи, когда кто-либо из таких людей плохо обращался со своими наемными, или не заплатил им, или же мало платил. Когда бедные отработывали такому человеку за хлеб, или за другую услугу им оказанную, напр. лошадьми, машиной. Сдавали беднякам или брали у них землю в аренду. Имели какую либо машину, как напр. молотилку, крупорушку, шерсточесалку, сеялку, жнейку, веялку и с помощью этой машины получали "нетрудовой доход".

Давали в тяжелое время хлеб или деньги в заем нуждающимся и затем взыскивали с процентом, или требовали вместо процента отработки за "выгоду". Имели свое торговое дело. Когда либо бедняков обидели в период революции или после, служили при царе, при Деникине или Петлюре в армии, в полиции или в каком нибудь учреждении.

Принадлежали ~~ни~~ к какой-нибудь партии как напр. кадетов, эсеров,

меньшевиков, боротьбистов, укапистов.

Принадлежали к церковному причту, к сектантам или к членам церковной двадцатки..."

Соломин подробнейшем образом перечислил все возможные случаи "компрометирующие" с точки зрения большевистской власти того или иного крестьянина, независимо от состояния его хозяйства.

Бедняки будучи польщенные доверием, поджигаемые чувством зависти, а также надеждой на улучшение своего благосостояния, некоторые же будучи поджигаемы пробудившейся у них жаждой власти и честолюбия, начав с одного конца села по очереди подвергли обсуждению всех крестьян. Тех из них кто имел какойнибудь из перечисленных Соломиным признаков, Соломин заносил к себе в тетрадку. Попутно выяснял наличие скота и инвентаря у этих людей. Совещание, начавшееся часов в 10 утра тянулось до поздней ночи. Соломин боялся отпустить людей даже обедать и ужинать, чтобы не остыл у них азарт, возбужденный им. Они же так увлеклись, что и сами забыли, должно быть, об еде. Наконец, часам к 12 ночи список был закончен. В него вошли больше ста человек. Соломин еще во время составления списка отмечал в нем заслуживающих большего внимания. Таких у него набралось 41 хозяйство. "А теперь, товарищи, я вам зачитаю кое что из данных вами материалов," сказал Соломин. "Вы увидите сами, можно ли жить в дружбе с этими людьми, или же с ними надо поступать иначе, так как они поступали с беднотой." И он начал читать список в сорок один человек. Один нанимал когда то женщину на время уборки урожая, когда случилось его жене заболеть и он квалифицировался, как эксплуататор. Другой нанимал девочку для помощи жене после родов, что тоже разматривалось как эксплуатация. Третий в 1921 году спасал бедняков от голодной смерти, давая им хлеб за что они в период жатвы по паре дней помогали ему. Оказывается он тоже был "кулаком" пользовавшимся чужим трудом. Тот давал жнейку для уборки урожая кому то и взял за это какую то плату, иной своей сеялкой и на своих лошадях засеял бедняку поле за что пришлось день поработать у молотилки. Тот являлся сыном бывшего сельского писаря (в царское время). Тот был мобилизован в армию Петлюры, хотя и пробыл в ней три дня. Этот является церковным старостой в настоящее время. Этот управляет церковным хором. Этот был когда то в УКП /Украинская коммунистическая партия/, влившейся в 1924 году в ВКП/б/, по бывшая принадлежность к которой

считалась контрреволюционным преступлением. В списке был и такой, который имел судебную тяжбу с бедняком и выиграл ее. Зачитывая список, Соломин так подчеркивал все "кулацкие" признаки того или иного хозяйства и выражал такое "возмущение" этими "кулаками" и "контрреволюционерами" за их "враждебность" и "презрение" к беднякам, что у наших десяти активистов глаза наливались кровью от гнева, а голодные желудки еще больше ожесточали их сердца. Соломин умело использовал и голодные желудки бедняков для озлобления их против "кулаков". "В то время, говорил он, когда этот ваш благодетель, это паразит обжирается белым хлебом, салом, молоком, - ваши дети рады куску черного хлеба. До каких пор можно терпеть это! Чем ваши бедняцкие дети хуже кулацких выроdkов? Соломин достиг цели. Голодные бедняки возбужденные нарисованной им картиной "издевательств" над ними готовы, казалось, рвать на куски эти "кулаков" и их детей. Видя, что бедняки доведены до белого каления, Соломин встал и гневно сверкая глазами бросил: "Так готовы ли вы товарищи идти громить этих ваших вековечных врагов, а их скот в количестве сотни лошадей, 65 коров, множества свиней, овец, птицы, десятков разнообразных сельско-хозяйственных машин, и сотен пудов хлеба забрать и передать в колхоз, который вы организуете?" "Готовы, товарищ уполномоченный," ответили хором бедняки. Соломин столь же возбужденно продолжал дальше возбуждать и разжигать аппетиты у своих служителей." А избы, то избы! Не бось кулачье живет не в таких жалких лачугах как вы, а в хороших хатах. Отныне в их хатах будете жить вы. А свои голые плечи и ваших детей прикроете наконец хорошей одеждой, которую носят кулаки, добытую вашим потом и кровью!" Товарищ уполномоченный, обратился к Соломину, один из особенно возбужденных им, я боюсь, что пока дело дойдет до раскулачивания, то эти кулаки все разбазарят. Нужно немедленно же сделать у них опись имущества". "О, я это имею в виду, сказал Соломин, хоть вы и устали, но придется вам вместе с нашими уполномоченными и местными партийцами сейчас же идти и сделать опись, не говоря ни слова зачем это делается, но предупредив, что никакая мелочь попавшая в опись не может исчезнуть. За ее сохранность хозяин отвечает головой." Пока шла разбивка на группы для производства описи, один из бедняков по фамилии Коваль быстро вышел из помещения и не вернулся. "Ну пропало все дело, закричали бедняки. Это Коваль уже побежал предупредить "кулаков", чтобы прятали свое добро. "Ну зачем его пригласили. Разбираться, как и почему Коваль попал на

совещание было некогда. Соломин торопил бригады, чтобы они успели охватить побольше подлежащих описи, пока Коваль не успел их предупредить. В случае же встречи Ковалья любая бригада должна его задержать и не отпускать. А в случае попытки уйти силою привести в сельсовет и посадить в кутузку. Оказывается Коваль бывший коммунист, работавший в должности секретаря Волостного комитета партии и за что-то исключенный. Отсюда можно заключить, что суть и цель соломинских речей он воспринимал трезво и вовсе не был ими опьянен, как простые мужички. И естественно, Коваль поспешил предупредить некоторых своих друзей, попавших в списки "кулаков".

Бригады произвели опись. Сорок одно семейство было лишено права распоряжаться своим имуществом. Вечером следующего дня было созвано собрание бедноты. Благодаря Ковалю, а может быть и другим участникам совещания уже все село знало о совещании ~~не только бедняки~~ и о готовящемся погроме и на собрание пришли не только бедняки. До начала собрания Соломиным было проведено короткое совещание во вчерашнем составе кроме Ковалья. С помощью бедняков был составлен список членов КНС "подкулачников". Первым среди них числился Коваль. Соломин велел активистам равномерно расположиться среди других бедняков на собрании. Смотреть, чтобы не остался никто в зале из "подкулачников" а также следить за поведением отдельных бедняков. После его доклада выступить всем с речами просто со своих мест, разоблачать кулаков, требуя расправы с ними. Все уполномоченные также должны разсеяться по залу. В случае, если бы кто из активистов подвергся за свое выступление нападению со стороны окружающих его на собрании, остальные активисты, а также коммунисты и уполномоченные должны придти на помощь.

Открывая собрание, Соломин объявил чтобы из помещения немедленно удалились все, кто не является членами КНС. Около половины людей вышло. Когда остались лишь одни бедняки, Соломин объявил. "Никаких выборов президиума не будет. Собранием буду руководить я. Нам предстоит решать здесь очень важные дела, которые мы можем доверить лишь честным беднякам, надежным людям. Те же кто неспособен защищать интересы бедноты не может здесь оставаться, Я предлагаю всем подкулачникам сейчас же удалиться." Из зала никто не уходил. Тогда Соломин продолжал: "Видно подкулачники себя не узнают!" Так я сейчас прочту список их. Если кто либо из подкулачников случайно не попал в список, то я надеюсь, что честные бедняки не замедлят мне подсказать об

этом. Итак читаю, слушайте"... Первым был назван Коваль, затем еще человек 30. Некоторые стали молча уходить из зала.

Не спрашивая разрешения заговорил Коваль. "Граждане, все вы хорошо знаете какой я "подкулачник". Кто командовал многими из вас во время гражданской войны, как не я? Кто вам землю наделял?" Соломин пытался запретить говорить Ковалю, но среди бедняков поднялись протесты. Коваль продолжал: "Не щадя себя, я защищал ваши интересы. Я делал все что бы улучшить вашу жизнь, за это меня выгнали из партии, потому что власть пошла не туда, куда она нас звала. Среди 40 человек намеченных к раскулачиванию только три-четыре таких, которые когда то были действительно кулацкими хозяйствами, а остальные честные труженики. "Я вас арестую!" кричал Соломин. "Председатель сельсовета, взять его!" Председатель сельсовета попытался приблизиться к Ковалю но ближайšie к нему бедняки угрожающе поднялись ему на встречу, суча рукава. Со всех сторон люди кричали, "говори Коваль", говори, не бойся." Коваль продолжал, не слушая больше прыгавшего Соломина. "Всякий у кого голова на плечах, должен понимать, что не кулаков сейчас раскулачивают, а трудящихся крестьян, дабы остальных запугать и заставить идти в колхоз. Если мало будет 40, еще 50 раскулачат, а среди этих пятидесяти кандидатов есть немало и бедняков. В Андреевке и других селах уже громят бедняков и даже бывших красных партизан, не идущих в колхозы. Я вас призываю не слушайте этих приезжающих чиновников. Не имея ни кола, ни двора они только и живут тем, что исполняют любые самые безчеловечные поручения.." "Как у нас ни кола, ни двора, все мы являемся собственниками всех фабрик, заводов, земли".. кричал ему в ответ Соломин. Старик, сидевший вблизи Соломина повернувшись к своему соседу иронически спросил "Федор Иванович, каковы доходы вы имеете от ваших фабрик и заводов, вы же тоже хозяин их?" "А я еще не подсчитал как следует", отозвался чрезвычайно оборванный бедняк.

Коваль продолжал: "продав свои души, свою совесть, эти люди натравливают вас друг на друга, как собак..." И Бога не боятся" вставил кто-то реплику... "А ты видел Бога?, спросил Хайкин. На что тот громко ответил: "я не достоин его видеть, но если Бога нет, тогда не грех истребить всю такую нечисть, как вы". "Они этим живут это их хлеб, продолжал Коваль. Чем больше несчастья они делают народу, тем сытее бывают сами. А когда приходит пора, то их-за ненадобностью выбрасывают на свалку. Но раньше чем сдохнуть под забором, они нагадят не мало. Как хотите,

граждане, вольному воля, по я например не могу поднимать руки на честных людей, а в новое ярмо меня никому не удастся запретить." Коваль вышел а вслед за ним Хайкин и еще один из уполномоченных и под дулами револьверов увели его. "Вы слышали как тут разошелся кулацкий рупор, сказал Соломин. Кто же после этого усумнится, что он кулацкий агент. Да и кроме него не мало здесь подкулачников. Я требую от каждого бедняка сейчас же определить с кем он, с советской властью, или с кулаками. Если с кулаками, марш отсюда! Если кто из подкулачников попытается здесь спрятаться, я призываю вас немедленно разоблачать их, чтобы ни один предатель не остался на собрании. Наше собрание будет тайное и на нем могут быть присутствовать только люди надежные. "Видя, что старик, обратившийся к соседу, с вопросом насчет доходов не уходит, Соломин крикнул ему и соседу: "А вы чего ждете, марш вон"! Изменники!" "Мы не изменники, мы советскую власть завоевали, чтобы вы правили нами!", говорили старики. "Подкулачники" выявлялись преимущественно посредством записок летевших к столу. Собрание сперва шумело, но постепенно успокоилось. Видно в человеческие души вошло смятение. Люди теряли под собой почву и не знали, как поступить. Еще несколько дней тому назад такие дружные, сегодня, когда их единство оказалось разбитым, когда в их рядах завелись предатели, люди были поколеблены в своей прежней твердости и самоуверенности, ибо хотя на их стороне была правда, но им противостояла сила могущая с ними расправляться как угодно. Очевидно душу каждого пронизывало чувство страха - хоть бы не попасть в список подкулачников. Когда Соломин в качестве подкулачницы назвал одну женщину, она заплакала и клялась, что готова куда угодно идти, куда власть повелит, хоть в колхоз, даже хоть в коммуну. Соломин изображая дело так, что он с неохотой делает ей большое одолжение произнес: "ладно, пока оставайтесь. Посмотрим, как вы оправдаете доверие партии" "Ох, оправдаю, оправдаю, я на все согласна" говорила женщина, вытирая слезы. Когда было удалено еще десятка два "подкулачников" и осталось в зале всего человек 70, Соломин начал свой доклад который назывался "о политическом положении в Яблоновке" Все удаленные из зала не расходились по домам. Им хотелось знать чем дело кончится. Сотни две народу окружало здание, множество людей пришло ушами к окнам плотно закрытым изнутри ставнями, слушая, что делается внутри, о чем говорится. Ночь была темная и никто из начальников не решался выйти в одиночку на двор. Двери были крепко заперты. Все события последнего времени и то, как встретили Прытулу и как встретили Будяка и Хайкина

Соломин обрисовал, как свидетельство огромного "кулацкого влияния" и "запуганностью" бедноты "кулаками" и "контрреволюционерами", которых, по словам Соломина, в Яблоновке больше чем где бы то ни было. Дальше Соломин перешел к перечислению всех "ужасов" и "издевательств" со стороны кулацких и других враждебных элементов, творимых над беззащитной беднотой. Материалы, почерпнутые из вчерашней информации от десятка бедняков, преподнесенные в сгущенных красках и в "художественном оформлении, с нарисованным на лице Соломина чувством глубокого "сострадания" и "жалости" к пострадавшим беднякам делали свое дело. Хотя те, кто вчера давал эти информации многих из них и не узнавали, но это их не тревожило. Они были уже окончательно покорены предвкушением тех выгод, которые они получают от своей авангардной роли в деле расчленения крестьян, раскулачивания и организации колхозов. Мрачные силы дремавшие до вчерашнего дня где то глубоко на дне их душ нынче освободились и выпрямившись, покорили все существо этих людей, которые уже не могли спокойно слушать страшные сказки Соломина и без конца вставляли свои реплики: "верно", "правда". "Было-было так". "Довольно терпеть". Заметно было, как все большее количество присутствующих загоралось тем же духом сначала неприязни, а затем вражды к "кулакам" и они энергично бросали друг другу - одобрительные фразы, или подмигивали.

Закончив свой доклад, Соломин спросил, кто желает высказаться. Почти все участники вчерашнего совещания подняли руки. Начали говорить один за другим. Переродившись за одни сутки, эти люди сыпали страшные проклятия на головы вымышленных "врагов". Это придавало все больший вес докладу Соломина и все больше и больше располагало в его пользу присутствовавших бедняков, как к человеку который приехал делать только добро. Появлялись все новые, желающие высказаться. Видя, что ему вполне удалось овладеть сердцами бедняков присутствующих на собрании и оказаться в их глазах в роли защитника их интересов, а также разжечь в них ненависть, как предпосылку для борьбы, Соломин перешел к следующей своей цели - разжечь аппетиты на чужое добро, тем более, что к владельцам этого добра сердца бедняков уже пылали гневом. Он продемонстрировал перед собранием, что бедняки будут иметь, если они ограбят своих "заклятых врагов". Не преминул также, как и на совещании упомянуть об избах, одежде, обуви, а также домашней утвари. Можно было наблюдать как при этом соблазне, при этом искушении простым грабежом

у честных до селе людей меняются выражение лица. Видно было по их выражениям, как все тише звучит голос совести в их сердцах. Если же у иных совесть все еще протестовала, то они имели возможность оправдываться тем, что ограблены будут "враги".

Видя явное одобрение раскулачивания со стороны основной массы присутствующих, только теперь Соломин поставил вопрос о коллективизации, заверив клятвенно бедняков, что их колхоз, получив такую базу, как кулацкое имущество, а также государственную помощь, которая будет даваться колхозам, и имея разного рода налоговые льготы, сделает их счастливыми. Соломин не говорил о том, что у колхоза будет осенью того же года отобран весь хлеб, (благо, что это не трудно сделать, не то что у единоличников). Можно полагать, что Соломин о дальнейших большевицких планах и не знал, как не знало этого большинство местных работников. А если бы знал, то, конечно, умолчал бы.

Доказательства в пользу организации колхоза были вескими. Одним же из стимулов к его организации было также заявление Соломина о том, что если бы неожиданно беднота не захотела создавать колхоз, как это было до сих пор, то раскулачивание все равно будет произведено бригадами присланными из другого села, и все кулацкое добро и земля пойдет в колхоз того села. Здесь же раньше, позже все равно колхоз будет создан, но он будет бедным, лишившись такого богатства. Бедняки зашумели. Знать не охота была им упускать случай поживы.

Соломин предложил записываться в колхоз. В списке указывалось количество едоков, рабочих рук, скота, инвентаря, а также семенного материала и фуража. В конце строки каждый записавшийся ставил свою подпись. Судя по дрожанию рук, по слезам, наворачивавшимся многим на глаза, им было чрезвычайно тяжело ставить крест на свое родное хоть и небогатое хозяйство.

Записалось в колхоз 65 человек. Затем было избрано Правление и ревизионная комиссия. После того, как люди решились порвать со всем своим прошлым во имя неизвестного будущего, пока только очерченного красивыми фразами чужого человека, после такой ломки в душах им не представлялось уже столь тяжелым решать вопрос о раскулачивании, даже для тех, кто еще полчаса перед тем ~~в душе~~ колебался.

Решение о раскулачивании сорока одного семейства прошло без труда. После этого все присутствовавшие были разбиты на бригады и посланы на раскулачивание. Когда я подходил к своей квартире, то меня

обогнала одна из бригад, предводительствуемая секретарем партячейки коммуны Мотей, гарцевавшей на коне с винтовкой за плечами. Мотя была уже много раз замужем, но все считалась барышней. Своей жестокостью и безчеловечностью она превосходила многих ярых коммунистов из числа мужчин. Раскулачивание тянулось до утра и все утро. Вокруг раскулачиваемых дворов собирались не только родственники, но и чужие люди, как на пожар. Многие плакали, Понимая, что их может постигнуть ~~их~~ та же участь, они поговаривали между собой, что положение безвыходное и придется вступать в колхоз. Но было не мало и таких, которые пытались найти причину почему именно эти хозяйства раскулачены, а не другие. "Всех же не раскулачат, говорили они. Даст Бог пройдет эта хуртовина мимо нас. Какнибудь уцелеем. Находились довольно энергичные люди, у которых еще не угасла вера в председателя ЦИК-а Украины Петровского и они предлагали собирать подписи и ехать к нему с петицией. Эти люди и не подумали бы о том, что все Петровские и прочие старые большевики лишь игрушки в руках всемогущего Сталина и избранной кучки и в свое время пойдут на свалку, отыграв свою роль.

Было не мало бедняков, которые усердно выполняли поручение Соломина обходя, дворы и не без некоторых результатов.

Затем была собрана сходка всех крестьян. На сходке Соломин прямо заявил, что раскулачиванием 53 хозяйств дело не кончится. - "Раз народ не идет в колхоз, говорил он, повторяя то же что уже слышали от Хайкина значит есть такие, кто ему мешает, и мы их будем раскулачивать до тех пор, пока не устраним окончательно кулацкое влияние." Конечно он убеждал крестьян в том, что в колхозе любой середняк будет жить куда лучше, чем до колхоза. "Через 2-3 года, повторял он, вы себя не узнаете". После него выступали новые колхозники. Затем Соломин стал лично опрашивать тех, кто еще не был раскулачен, но в списках числился. Все они об этом уже знали. Соломин очень резко говорил им о том, что они имеют якобы влияние на крестьян и те не идут в колхоз. И что это подозрение они могут уничтожить лишь вступив в колхоз, в противном случае они подвергают себя риску. Иного выхода у этих людей прямо угрожаемых раскулачиванием не было, как "согласиться" на вступление в колхоз. И почти все они согласились. Кроме них вступило еще около 15 хозяйств. Остальные воздерживались. Чем меньше было вероятности, что хозяйство его будет конфисковано, тем упрямей человек держался. Однако, "кулацкий лед" был взломан. Действуя, как цирковой укротитель, Соломин, наведя

ужас на одних посредством раскулачивания 10% хозяйств и, пообещав вознаграждение другим, сумел коллективизировать 25% крестьянских дворов. Уезжая он поучал остающихся уполномоченных для дальнейшей работы по коллективизации: "я все время старался внушить нашим уполномоченным, что лбом стену не расшибешь, что нужно действовать осторожно из под тишка, нужно нащупать маленькую хотя бы лазейку в стан противника, пробраться туда и всеми доступными средствами подобрать себе агентов, а потом уже действовать легче. Имея опору, легче и "врага" найти. А там смотришь и масса начинает раскалываться, опора твоя растет. А затем когда руками опоры стукнешь по "врагу", оставшая масса останется, что глупая овца. Бери ее за рога и веди. Так надо действовать. Особенно же надо умело маневрировать применяя правило "дубьем и рублем". Лишь после отъезда Соломина Хайкин сказал, что вечером после собрания бедноты их забросали камнями и Соломину угодили крепко в спину. На следующий день на должность председателя колхоза был прислан двадцатипятилетний проработавший 20 лет слесарем завода и не имеющий никакого представления о сельском хозяйстве. Это был тов. Канторович....

Состоялось очередное совещание в районе. Со времени прошлого совещания коллективизация района продвинулась всего на 10%. Соломин популяризировал свой опыт в коллективизации Яблоновки и настойчиво предлагал всем его применять. Затем он сказал: "кое-кто нам закидает что мы при отказе бедноты поддержать нас, проводим иногда раскулачивание руками разного рода подонков, как то воров, бандитов, пьяниц, деклассированных элементов. На это я могу ответить, что такую практику мы вынуждены были применить лишь в нескольких селах. Ничего не сделаешь, перед нами поставлена задача и для ее выполнения хороши все средства. А что эти люди работают с нами не из идейных соображений, а в надежде кое что стянуть, то это нас мало должно волновать. Действительно серьезные политические последствия бывают в том, что в таких случаях в колхоз идут более зажиточные слои крестьян, а беднота упорно держится своих лоскутов. Вот это серьезное дело. ~~А ведь у нас такие сельсоветы есть.~~

Конечно является политическим ляпсусом и очень неприятным для всех нас, если наш уполномоченный, коммунист, ответственный работник, каким является Герасимов, занимается хищением. При раскулачивании он припрятал овчинку и сшил себе шапку. Не перевелись пока и защитники кулаков. Вот например коммунист Сазонов пожалел кулака. Он оставил ему

при раскулачивании совершенно целую пару белья и новую свитку, а также около пуда муки. Райпартком правильно поступил, исключив его из партии и отдав под суд. А вот вам защитница № 2 - Бондарева. Эта, видите ли кулачат пожалела и оставила для них вполне приличную одежду. Райком с ней полиберальничал ссылаясь на ее молодость и море слез, которыми она чуть не затопила его. Хотя число раскулаченных в районе уже перевалило за 500 хозяйств, Соломин строго наказывал, чтобы были выявлены "все до единого" "кулацкие хозяйства". Кроме того он сказал, что разрешено вернуть колхозникам птицу и мелкий скот. Это по-видимому было вызвано тем, что крестьяне, еще не вступившие в колхоз, но видевшие безвыходность своего положения и неизбежность потери всего скота из-за раскулачивания или сдачи в колхоз, продолжали массовый убой его. На совещании выступил вновь присланный из округа председатель Райисполкома. До этого он работал Председателем заводского проф. Комитета, с селом не знаком и его выступление состояло из пустых трафаретных фраз. /В виду того, что он не только не мог дать какой либо пользы для проведения коллективизации, но только мешал ей, вскоре его округ отозвал, а на его место прислал другого, который впоследствии был заменен простым третьим. Таким образом за период коллективизации сменилось несколько человек на должности председателя РИКа/. Райкомом намечены были для посылки на село дополнительно ряд районных работников партийных и беспартийных, в том числе учителя из районной школы и среди них некий Стасюк, отец которого не хотел идти в колхоз и, как говорил Коган, влиял на других. Стасюк был послан в родное село с заданием вовлечь в колхоз отца и по крайней мере еще 20 семейств, в противном случае ему грозило снятие с работы и лишение права учительствовать, как "кулаку". При назначении для поездки в село коммуниста, работавшего в должности заведывающего районным отделением "Заготзерно", он отказался. На вопрос о причинах почему он не может выехать он ответил просто: "не могу да и все". Вопрос о нем был перенесен на заседание Райпарткома, где он исключен из партии. После выяснилось, что он являлся тайным агентом ГПУ и мог совершать всякие длительные выезды лишь по его разрешению. Райкому срочно пришлось снова его восстанавливать, но так как из-за длинных языков некоторых райкомщиков он был раскрыт, то ГПУ перебросило его в другой район, а на должность "Завзаготзерно" была назначена женщина из числа уполномоченных, находившихся в районе еще со времени хлебзаготовок.

Протесты против ее отрыва от своей специальности заводского техника были безуспешны. "Ты крепкая коммунистка, говорили ей, и это твоя главная специальность, а будешь работать там, куда партия тебя пошлет". Волей не волей пришлось переезжать в район и ея мужу научному работнику, для которого здесь не было никакого применения. Среди командированных дополнительно в село был и заведывающий районного Сельбуда /селянского или крестьянского дома, клуба/ коммунист Октябрьский. Октябрьский был большой мастер по организации художественной самодеятельности. Он создал прекрасную труппу и хор и разъезжал часто по разным городам Украины, получая всюду лестные отзывы. Душой хора и драмкружка был 20-титрехлетний Кравченко, обладавший необыкновенно сильным и благозвучным тенором, а также исполнявший драматические роли, так что мог бы состязаться с лучшими артистами профессионалами. Но несчастье было в том, что Кравченко был сын священника: Все пути к учению были для него закрыты. Он зарабатывал себе хлеб сапожным ремеслом, а душу отводил на сцене. Райком до поры до времени его терпел, но в разгар коллективизации, когда велось жесточайшее наступление на "классово-чуждые" элементы, когда уже из школ было выгнано множество маленьких детей и уволено 25% учителей, терпеть дальше Кравченка было невозможно, И Райком предложил Октябрьскому удалить его из кружка. Октябрьский, который и сам всей душой отдавался искусству, энергично запротестовал. Он заявил, что было бы преступлением губить этот необыкновенный талант, который уже готов для выхода на сцену большого театра, не имея никакой школьной подготовки. Кроме того, он оказался способнейшим режиссером и хормейстером. С отцом же он давно порвал всякие связи. Но райком за покровительству "классового" врага объявил Октябрьскому выговор и велел немедленно выгнать Кравченку. "Лучше пусть не будет никакого хора, чем хор с поповичем", заявил Зав.агитпропотделом. Октябрьский сообщил о решении Райкома Кравченко. Бедный юноша побежал сам в Райком и обратился к агитпропу. Стоя на коленях он плакал и говорил: "не губите меня, я жить хочу, да и пользу я могу принести обществу. Разве я виноват, что я родился в семье священника, но я же с ним давно не живу. Не губите меня. Вы человек образованный, кто же может оценить больше культуру как вы." Но "образованный" человек служивший в партии не мог оценить культуру, и ответил категорическим отказом. Все участники кружков в знак протеста прекратили свое участие, а нечестнаго юннну

нашли в сарае повесившиеся.

Я плохо себя почувствовал и попросил разрешения у Хайкина пойти к врачу и возможно на 2-3 дня остаться в райцентре. Получив согласие, я направился на почту, где работал в качестве начальника недавно присланный округом мой хороший знакомый. Вскоре после приезда, его было назначили в качестве уполномоченного в село, но почта - это не пустая кооперативная лавка, которую можно попросту закрыть, посылая заведывающего в село, и не школа. Хотя важная корреспонденция по вопросам коллективизации и не проходила через почту, но без четкой работы телеграфа и телефона, нельзя никак было обойтись и начальник почты был возвращен к своим обязанностям.

"Почитай пока вот эту телеграмму" сказал он. "Но имей в виду - совершенно секретно". Это была телеграмма-молния занимавшая полторы страницы убористаго шрифта. Ее посылал бухгалтер районного финансового отдела Борецкий на имя Калинина. Он писал о себе, что он бывш. офицер царской армии давным давно искупивший свою "вину" тем, что 3 года сражался на стороне Красной армии, командуя сперва ротой, а затем полком. Год тому назад его вызвал к себе районный уполномоченный ГПУ и предложил ему сделаться тайным информатором ГПУ и доносить обо всех антисоветских настроениях, разговорах и действиях работников райисполкома. Такая служба Борецкому не по духу, он всегда был честным человеком, неспособным делать зло даже своему врагу и он отказался за нее взяться. Тогда уполномоченный ГПУ поставил перед ним вопрос: или же он согласится служить, или же он будет сослан как вредный элемент без права переписки с семьей, а затем и семью ждет та же участь. На заявления Борецкого о своих заслугах перед сов.властью уполномоченный ГПУ смеясь заявил: "чтобы гадюка хорошего не делала, она всегда останется гадюкой". После ужасной внутренней борьбы Борецкий ради спасения семьи вынужден был сделаться сексотом и вот уже год, как в нем идет жестокая борьба с совестью. Поскольку ему редко удается слышать со стороны сотрудников хоть незначительное критическое о советской власти замечание и, поэтому, в своих информациях ему нечего писать, уполномоченный ГПУ требует регулярного представления обширных сводок, в противном случае грозит репрессиями для него и семьи. При чем предупреждает, что поскольку он, Борецкий, является секретным

сотрудником ГПУ, он уже не может быть послан просто в ссылку, а будет расстрелян. Из-за этих угроз он должен сочинять несуществующие разговоры своих сотрудников, возводя на них клевету. Теперь же, когда идет коллективизация от него бесконечно требуется информация о разговорах, направленных против коллективизации и раскулачивания. За непредставления достаточно обширных сводок он подвергается все тем же угрозам и систематически избивается уполномоченным ГПУ. Он уже несколько писем посылал Калинину, но не уверен дошли ли они по назначению, так как ответа на них он не получал. Все письма заказные и в случае неполучения их Калининым должны бы вернуться обратно. Но они не возвращаются. Поэтому, он не уверен отсылаются ли они. Теперь же наступил предел терзаниям его души. Он уже устал клеветать на людей и сделался полусумасшедшим. Истратив 150 рублей т.е. 2-х месячный свой оклад, он решил послать телеграмму "молнию". Он умоляет Калинина, как родного отца, освободить его от этой каторжной преступной службы. В противном случае он вынужден будет покончить самоубийством.

На телеграмме была положена резолюция Уполномоченного ГПУ "запрещаю". "Пусть ждет бедный Борецкий ответа от Калинина", сказал начальник почты.

На мой вопрос, почему бы не отправить эту телеграмму, не показывая уполномоченному ГПУ он ответил, что он и уполномоченный ГПУ исполняют лишь приказ свыше. За отправку такого рода телеграммы из района влетело бы прежде всего уполномоченному ГПУ, а начальнику почты было бы тюрьмы не миновать.

Отправив меня к себе на квартиру, приятель вернулся снова на почту, где он проводил почти круглые сутки. Семьи с ним не было. Я познакомился с квартирными хозяевами. Это были старики евреи. Старику было 84 года, а старухе 75. Старик был еще довольно бодрый. Когда мы пришли, старуха плакала и жаловалась, что внуки пионеры спрятали ее молитвенник. Она с утра ищет и не может найти его. "Что теперь за дети, не дай Бог, научили их, что Бога нет. Придут сюда, когда мы молимся и начинают под дверьми безбожные песни распевать". У стариков было трое сыновей и дочь. Все сыновья коммунисты. Двое из них где то на стороне занимают большие должности. а третий младший, - ему теперь около 40 лет,

заведует здесь кооперативным складом. "Сколько мы пережили во время революции, говорил старик. Мы по несколько дней лежали в саду под хворостом, не смея пошевелиться. Сверху же лил осенний холодный дождь. Мы неделями прятались у добрых людей по сараям, по погребам, ибо нас как евреев, сыновья которых коммунисты и воюют за советскую власть, безусловно убили бы. Бог нас спас. Но жизни нет. Мы не имеем никаких средств. Двое старших сыновей имеют уже внуков и им не до нас. Этот живет бедно. Весь наш доход - 80 руб. что мы получаем за сдачу в наем 4-х комнат. Как видите, сами мы ютимся в маленькой проходной комнатке. И этого домика нас тоже скоро лишат. Уже есть постановление о реквизиции, но пока не забирают лишь в ожидании ответа на мою жалобу. Богу не дают молиться. Одну синагогу закрыли и сделали в ней школу. Завтра или после завтра закроют другую. В ней хотят сделать клуб для кустарей. Совсем люди сбесились. Хотя бы умереть поскорее, да Бог смерти не дает." И действительно жизнь стариков была очень и очень незавидной.

К вечеру следующего дня старик вернулся с подбитым глазом. Он тяжело стонал и лег на кушетку, у него катились слезы. "Забрали и вторую синагогу", с горечью сказал он. Мы старики - десятка полтора человек пытались было хоть святыни спасти. Где там. Взбесившиеся комсомольцы рвали все, ломали и топтали ногами, а нас за бороды таскали. Мне чуть глаз не выбили. Вот такие теперь наши евреи. Эх, скорее бы смерть. Я в жизни не болел. А сейчас я чувствую, что приходит конец. И вы подумайте какое насилие: раввина той синагоги заставили написать отречение. А этот не хотел отречься, так теперь сидит в ГПУ. Он даже и не знает как разгромили синагогу."

На ряду с коллективизацией все больше расправлялись с религией. В районе было уже закрыто пять церквей, но все они были закрыты посредством разных манипуляций, фальсификаций и жестокого террора против священнослужителей и церковных двадцаток. Но я никак не думал, что среди евреев безбожие успело так глубоко пустить корни, что властям без серьезного сопротивления удалось закрыть обе синагоги в райцентре и единственную синагогу имевшуюся в другом местечке этого же района.

Одна из закрытых в районе церквей сгорела. Остались лишь каменные стены. Священник был арестован. Посредством пыток ГПУ он вынужден был "сознаться", что поджег церковь, дабы не допустить

превращения ее в безбожную хату-читальню. Ему быстро учинили суд и осудили к расстрелу. После оказалось, что председатель Сельсовета и секретарь партячейки украли все имевшееся в церкви серебро, а чтобы замести следы, церковь сожгли, и оба были на суде свидетелями, "очевидцами" того, как священник "поджигал" церковь. Однако, не сумев поделить серебром и затеяв ссору, а также впутав в это своих жен, они раскрыли себя и оба арестованы. Церковь же погибла и погиб ни в чем не повинный священник.

По сводке о ходе коллективизации периодически помещаемой в окружной газете было видно, что в некоторых районах коллективизацией уже охвачено 75% хозяйств. Округ в среднем имел 45%, а Н-ский район немного отставал от среднеокружной цифры. Наши уполномоченные да и Соломин уже порядком устали. Их арсенал методов коллективизации был исчерпан и не помогали никакие угрозы со стороны окружных и центральных властей. Как не бился Хайкин со всей бригадой уполномоченных с местными партийцами и колхозным активом, новых членов в колхозе не прибавлялось. Возврат колхозникам мелкого скота и птицы немного успокоил их и даже заронил в них надежду на развал колхоза. Коровы оставались в колхозе. Отсутствие подходящих помещений для них, содержание их в тесноте, в грязи, плохие корма, отсутствие всякого ухода, сильно отражались на состоянии скота и его удое. Больно было смотреть на этих бедных животных, бывших кормилицами своих хозяев всегда вовремя досыта накормленных и напоенных, а теперь голодных, перепачканных в навозе и сердито бодающих друг друга рогами. День и ночь стоял рев в местах их скопления. Их новые хозяева колхозные руководители не имели ни опыта для управления крупными хозяйствами, ни особого желания заботиться о сытности скота, хотя и кормить его было не чем.

Многие из этих людей были заняты больше всего вопросами личного благополучия. Они имели возможность, что называется, "плавать в молоке" и этим были довольны. Они все больше входили во вкус руководства другими людьми. Некоторые оказались хамски грубыми и бессердечными к подчиненным.

Бывшие хозяйки коров не забывали о своих "маньках". Очень трогательная была картина, когда по утрам почти все они приходили к

коровникам и с рук кормили своих коров, принесенным из дому кормами. Иные плакали и целовали животных, которые еще издали завидев своих хозяев вытягивали шеи и жалобно мычали. Понемножку молока выдавали лишь семьям имеющим детей, другим не давали вовсе и молоко "растекалось по за тучами". Однако хозяйки продолжали кормить коров. Одни надеялись на возвращение их, другие просто из жалости.

Уполномоченные и все местные коммунисты экстренно были вызваны в район. В зале местного, ныне пустующего театра, куда все были собраны, царил большая тревога. Приехал сам председатель окружной КК /партийной контрольной комиссии/, гроза для каждого коммуниста. Коммунисты были так встревожены, что при появлении в зале председателя КК они забыли даже свою обязанность приветствовать его "громом аплодисментов". Низенький и необыкновенно тучный с подслеповатыми глазами председатель КК в течение нескольких минут сотворил в зале атмосферу ужаса. Каждое слово вылетающее из его рта было тяжким обвинением партийцам, забывшим о своих партийных обязанностях, почивающим на лаврах, погрязшим в оппортунистической благодущии, "следствием чего являлся столь низкий процент коллективизации" почему вы до сих не передали ни одного коммуниста в КК?" свирепо кричал председатель КК обращаясь к Соломину и Когану" Почему вы цацкаетесь с этими бездельниками, место которых в тюрьме? Проникнув в партию они обманули ее доверие!". Он начал называть ряд коммунистов из числа уполномоченных, присланных округом, которые находясь в селах "обманули доверие партии и провалили коллективизацию". К числу их принадлежал и Хайкин. Председатель КК грозил этим "обманщикам" и "оппортунистам", что если они в течение 5 дней не доведут % коллективизации по крайней мере до 70, пусть без предупреждения и вызова прямо едут в КК и сдают партбилеты, а потом кое-кому придется сесть и в тюрьму. Председатель КК стал вызывать этих лиц и требовать объяснения. Из их отчетов он сделал вывод, что в селах еще много "кулацких" и "контрреволюционных" элементов, "Вы еще и половины их не ликвидировали!". Особенно люто набросился председатель КК на старого коммуниста Баранова, директора завода. Но тот оказался довольно смелым и резко парировал заявляя, что он не может раскулачить все село, потому что тогда и в колхоз некого будет принимать. Кроме того, все, кто еще

остался из более крепких середняков, являются красными партизанами." А ты все еще нянчишься с красными партизанами?" закричал председатель КК. "Это с теми, которые победу революции обратили для целей своего собственного обогащения! Да ты же совершаешь тяжкое преступление перед партией! Сам ты подумай, раз бывший партизан вместо продолжения своей былой военной борьбы на новом фронте - на фронте коллективизации противится этой коллективизации и подает пример другим крестьянам, так ведь он враг! Его с треском надо ликвидировать и отнять партизанскую книжку! Никакие прошлые заслуги и ордена не могут браться в счет. Вы должны понять, что не революция должна служить интересам народа, а народ интересам революции, интересам государства и мы не можем считаться ни с какими личностями, будь это заслуженные партизаны, боевые командиры и коммунисты. Как вы смеете забывать слова Ленина! Если нужно для интересов революции, мы не постесняемся и уничтожим наших первых людей!"

"Наши взоры обращены не в прошлое, а в будущее. Грошь цена тем, кто воевал геройски, но за личное счастье! Для нас ценнее теперь человек, хоть и без заслуг, но не зараженный старыми взглядами, и не знающий привязанности к личному богатству, готовый самоотверженно переносить любые лишения и страдания ради интересов мировой революции и жизни своей не жалеющий для советского государства"! В зале оживленно зашумели, другие, кого председатель КК опрашивал также заявляли, что имеются довольно крепкие хозяйства красных партизан, которых они пока не трогали. В одном селе проживает бывший командир красной армии и председатель уездного ревкома орденносец Мандрыка, имеющий крепкое хозяйство. У него пара хороших лошадей, две коровы, разный мелкий скот и пасека. Он ведет культурное хозяйство и не думает идти в колхоз. В другом селе живет бывший красный партизан, занимающий высокий пост в округе. Он также ведет культурное хозяйство и не собирается идти в колхоз. Еще много называлось случаев, когда бывшие красные партизаны и разные большевистские деятели продолжают оставаться единоличниками и тем самым показывают пример крестьянам, которые находясь под их "кулацким" влиянием также не идут в колхозы. Обо всех таких лицах председатель КК еще раз повторил, что раз они не вступают в колхоз, значит их революционная роль кончилась, и они, являясь тормозом

дальнейшего строительства социализма, превратились в предателей, дезертиров и должны быть еще более безжалостно сметаемы, нежели прочие "кулаки". Для большего страха председатель КК зачитал ряд фамилий коммунистов приезжих и местных, которые в указанные им сроки должны будут явиться в КК для разбора их дел по провалу коллективизации. Сейчас пока им представлялась последняя возможность "искупить свою вину". После совещания все быстро разъехались "искупать вину" и "заслуживать доверие партии".

Я зашел к своему знакомому начальнику почты. Оказалось, что через два дня после моего отъезда его хозяевам было вручено окончательное решение о реквизиции дома. Тоже самое и некоторым другим евреям, имевшим приличные домики. Бедный старик, находившийся в постели после сильного потрясения, вызванного закрытием синагоги, не перенес этого второго удара. Его разбило параличем, а овдовевшая старуха уехала в город к дочери. Сейчас в их доме разместился народный суд....

Хайкин вернулся с совещания повеселевшим. С помощью колхозных активистов он подобрал три середняцких хозяйства бывших красных партизан для раскулачивания. Активисты говорили, что теперь наибольшим влиянием на население пользуется бывший красный партизан орденосец Крот и если бы его "прижать" и заставить пойти в колхоз, то наверное многие за ним пошли бы.

Хайкин решил пока не раскулачивать Крота, а арестовал его и с подробной препроводительной отправил в ГПУ, после чего приступил к раскулачиванию других красных партизан. На третий день вернулся сильно притихший Крот после "беседы" с ГПУ и заявил о своем "желании" вступить в колхоз. Затем он, выполняя свое обязательство перед ГПУ данное им в специальной подписке, уговаривал крестьян вступить в колхоз, что вместе с раскулачиванием красных партизан сделало некоторый сдвиг и в колхоз еще "добровольно" вступило с пол сотни хозяйств. На этом дело остановилось...

Полоса раскулачивания красных партизан прошла по всему району. Некоторые из них оказали сильное сопротивление. Так занимавший крупный пост в округе несколько раз выгонял бригады приходившие его раскулачивать, а бывший командир партизанского отряда Меланченко состоявший в партии и занимавший должность председателя сельсовета, будучи исключен из партии и смещен с должности после приезда

председателя КК, скрылся. Появляясь перед некоторыми крестьянами вооруженный винтовкой и револьвером он говорил, что всякий кто тронет его семью будет убит. Поэтому никто из местных активистов, да и местные уполномоченные не осмеливались идти раскулачивать его хозяйство. Пришлось для этой цели командировать специальную бригаду из третьяго села и не иначе, как под охраной милиции. После этого Меланченко и его семья исчезли из села. Говорили, что Меланченко обещал еще вернуться, и не один...

Разсказывали также, что после того как Мандрыка колом прогнал дважды бригаду, приходившую для раскулачивания его, она пришла в третий раз, возглавляемая 5-ю уполномоченными райкома. Тогда Мандрыка сорвал с себя рубашку и показывая глубокие раны, кричал: "А это что, за что это я изувечен? Затем достал боевые ордена, полученные им в гражданскую войну, он кричал: "А это за что я получил? За что я воевал? За что я лил свою кровь? За что погибли мои товарищи? Чтобы плодами нашей крови воспользовались проходимцы, чтобы новые паразиты сели нам на шею? Выходит, что мы, не подозревая завоевали власть для своих врагов, которые в сто раз хуже тех, против кого мы воевали!" Значит выходит, что я убивал более честных людей ради власти грабителей. Тогда это мне по заслугам! Теперь я вижу, что старики правы, говоря, что за невинную кровь неизбежно придет возмездие! вот оно пришло это возмездие! Но помните, что на ваши головы оно тоже придет! Ко мне оно пришло от власти созданной моими руками, к вам оно придет от той же власти для которой вы подвергаете разбойничьему ограблению мирное население! Требуется новая революция и она придет!" Затем бросив ордена на землю, плюнув на них и топча их ногами Мандрыка закричал: "К черту этот позор!" И разразился истерическими рыданиями. Главный уполномоченный приказал Мандрыке и его семье убираться из хаты, которая отныне вместе со всем имуществом принадлежит государству. Схватив топор и вскричав: "даешь новую революцию!" Он размахнулся, но тут его схватили и связали. А уполномоченный сказал: "Новая революция будет невозможна, ибо таких как ты мы своевременно перецапаем". Семья Мандрыки была выгнана и все добро, нажитое многолетним упорным трудом стало казенным, а связанного и без рубашки Мандрыку силой уложили в телегу, привязав его к ней веревками и повезли в ГПУ. Так расправлялись большевики с "кулацким сопротивлением", не жалея и тех, чьими руками "жар загребали". Не было ни одного номера газет где не

громились бы "оппортунисты" и "предатели", изгоняемые из партии, снимаемые с должностей, предаваемые суду. В директивах и протоколах, которые получал райпартком очень много места занимали вопросы расправы с этими коммунистами и одновременно делалось предупреждение всем, пока уцелевшим. Уцелевшие райкомовцы в свою очередь беспощадно расправлялись с уполномоченными и местными коммунистами, не находившими дальнейших средств для коллективизации населения. Количество раскулаченных уже перешагнуло за тысячу, достигнув 15%, коллективизация же завязла на 60%. Но "мудрая партия" и ее вожди имели в резерве могучее средство и они его пустили в ход...

Однажды ночью бригады колхозников активистов руководимые уполномоченными и местными коммунистами на телегах подъехали ко многим дворам, где жили раскулаченные Яблоновцы. Из 56 раскулаченных 35 было погружено на телеги. Им разрешалось брать с собой не больше пуда харчей, топор, пилу и лопату, больше ничего. Да они, собственно ничего и не имели. Редко у кого оказалась пила или лопата. Большинство было полураздетых, поскольку при раскулачивании маломальски целую одежку сдирали с плеч. Люди жались друг к другу от холода, дети надрывались от плача, матери также рыдали. Когда собрались все подводы, колона тронулась охраняемая вооруженными людьми среди которых ехала верхом и Мотя. Еще долго был слышен устремленный к небесам вопль несчастных жертв "самой демократической в мире власти". Вопль доносился также из двух соседних сел. Несчастных везли на подводах к железнодорожной станции за 70 км., минуя ближайшие станции. Оттуда же они голые, голодные, в наглухо закрытых-холодных товарных вагонах отправлялись в далекую Сибирь и на север. Их были миллионы... Весь тяжкий путь их следования был устлан трупами...

После этой чудовищной безчеловечнейшей операции во время которой из Н-ского района было выселено более 600 семейств процент коллективизации сильно поднялся. Уполномоченные и специальные агенты ГПУ распространяли слухи о том, что выселение будут и впредь производиться если коллективизация будет подвигаться медленно. Много раскулаченных стало куда то уезжать, спасаясь от выселения.

Террор, посредством которого производилась коллективизация, местами переполнил чашу терпения народа. Что делалось в других округах и даже в ближайших районах можно было узнать лишь посредством живой связи с населением тех мест, ибо, как известно, все газеты являются

органами власти и помещают лишь то, что в ее интересах. И вот посредством живой связи в Яблоновке стало известно о вспыхнувших волнениях в ближайших районах. Население из нескольких сел разобрало свой инвентарь из колхозов, угнало свой скот, забрало свое зерно. Правда и до этого не было ни одного района, где не имели бы места подобные случаи, но они там носили более местный характер и легко пресекались посредством арестов зачинщиков (каковыми именовались первые попавшиеся,) и дополнительных раскулачиваний. В данном случае получилось иначе. В одном из сел в ответ на попытку арестовать некоторых крестьян забиравших из колхоза свое добро, уполномоченный и местные коммунисты были силой прогнаны разъяренной толпой. Когда же те подняли стрельбу народ бросился на них и несмотря на то, что коммунисты, стреляя в толпу успели некоторых убить и ранить, они были смяты. Однако, крестьяне проявили исключительную сдержанность. Ни одного из своих убийц они не убили, а поколотив их как следует, заперли в амбар и держали, продолжая их поить и кормить не в пример коммунистам, которые арестовывая нежелающих идти в колхоз крестьян, держали их по неделе раздетых и голодных. Этот случай и послужил сигналом для вспышки в соседних селах, где по набату собирался народ и ликвидировал навязанные ему посредством террора колхозы. Хотя не было ни одного колхоза созданного на действительно добровольных началах, но крестьяне были уже настолько запуганы и посредством хитрых и подлых методов подкупа и провокаций настолько разобщены, среди них был посеян такой раздор и взаимная вражда и озлобление, что на подобное единство действий они были редко где способны. Лишь в некоторых округах вспыхнули волнения, местами переросшие в возстания, после применения властями жестоких мер подавления. Говорили, что в Б-оком районе к громившим колхозы присоединились и крестьяне, сделавшиеся активистами. Таким образом, население выступило почти все поголовно против колхозного ярма. Находившийся в районе председатель окрисполкома с группой коммунистов были осаждены в здании ГПУ, окруженной многотысячной массой народа, требующего только, чтобы председатель окрисполкома признал право людей свободно решать хочет ли он оставаться в колхозе или нет. Он связался с секретарем окружкома партии по телефону и запросил его как быть, но тот конечно не мог идти против политики партии, не рискуя собой, и мог только сказать одно: "а вы там агитируйте собравшихся, убеждайте их в пользу колхозов". Председатель окрисполкома попробовал агитировать, но в ответ ему послышались крики " Довольно"! Мы слышали

уже это. Отвечайте, имеем ли мы право свободно решать о колхозе или нет?" Председатель окрисполкома закричал "Не имееете"! И все бунтовщики будут расстреляны!" Поднялась целая буря возмущения. Огромная масса людей лавиной хлынула осаждать здание. Перепугавшись на смерть председатель окрисполкома выскочил во двор, сел в машину и приказал шоферу гнать ее с предельной скоростью, давя тех, кто будет преграждать путь. Пропустив вылетевшую машину ворота закрыли. Машина помчалась давя людей. Навстречу машине полетел красный тертый перец и соляная пыль сразу ослепив шофера. Председатель окрисполкома глаза которого не пострадали в виду защищенности большими окулярами, командовал куда ехать. Так им удалось проскочить сквозь человеческое море и умчаться в округ, оставив позади себя много жертв. Пока население разбирало свое имущество из колхозов, здание ГПУ было оцеплено. В движение приходили все большие массы населения. Волнение охватывало все новые села и перебросилось уже на другие районы. Посланный отряд войск ГПУ встретил геройское сопротивление и вынужден был отступить, а подбодренные было пришедшим отрядом коммунисты забарикадившиеся в доме ГПУ подняли стрельбу убив несколько человек. Тогда спокойная блокада превратилась в атаку. Когда ворвавшись в здание восставшие начали извлекать оттуда своих заклятых врагов, послышались удары в набат. Многотысячная народная масса увидела мчавшуюся с разных улиц кавалерию. Это Нарком ГПУ ~~Украины~~ ~~Валицкий~~ повел лично в атаку против населения отборные войска ГПУ, которые безжалостно направо и налево рубили и стреляли попадавших под руку, в том числе женщин и детей. Валицкий, а с ним и окружное начальство праздновали победу. Тысячи людей из восставших сел были арестованы и расстреляны. Волна народного бунта докатилась и до Н-скаго района. Местами стали разбирать скот и инвентарь. В одном из больших сел района в базарный день, когда на площади были тысячи людей, проезжал Соломин. Машина его была остановлена и от него потребовали отчета о творящихся насилиях и терроре. Перепуганный Соломин, слыша грозные крики, требующие расправы с ним поднялся в машине и дрожа всем телом заявил: "Никакого насилия в деле коллективизации быть не может. Каждый сам должен решать вступать ему в колхоз или нет." Поднятые палки опустились. Руки державшие камни уронили их. Народ радостно возвращался домой. Вернувшись с базара все пошли забирать свое имущество, но Соломин тоже не зевал. Когда крестьяне разбирали свое имущество, в это время шли уже аресты "зачинщиков". Лишь тогда люди поняли, что Соломин их обманул,

чтобы уйти от грозившей ему опасности.

В большом селе расположенном по соседству с райцентром колхозницы собрались к главной усадьбе колхоза. Коммунисты и актив тщетно пытались отстоять конюшню, где находились лучшие лошади. Характерно, что в большинстве случаев действовали женщины из предположения, что мужчинам идти громить колхоз опаснее. Когда их стали избивать, они ворвались в канцелярию колхоза где изорвали бумаги и разогнали как колхозное начальство, так и уполномоченных и местных коммунистов. Один из наименее храбрых уполномоченных, спасаясь от гнева народного вскочил в церковную ограду и там залег. Кто-то из коммунистов догадался использовать стоявшую во дворе пожарную машину. Женщин стали поливать мазутом стоявшим здесь в бочках. Только таким образом удалось разогнать толпу. Тех немногих, которые еще не успели убежать осмелевшие коммунисты и актив стали ловить и бросать в погреб. Некоторые стали перебираться через церковную ограду, так как были со всех сторон окружены. Лежавший там уполномоченный, думая, что это его уже ищут начал стрелять и убил одну из женщин, которая зацепившись юбкой повисла на ограде истекая кровью. Коммунисты и актив побежали по дворам арестовывая каждую, которая оказалась облитой мазутом. Тогда многие в страхе бросили в огонь или зарывали в навоз свою одежду, имевшую следы мазута, а лошадей и коров взятых из колхоза, спешили выгнать на улицу. Волнение было ликвидировано. Народные волнения вызвали очередную "уступку". Было разрешено вернуть коров. Большевики действовали хитро. Забрав сперва все, а затем кое-что возвращая они этим смягчали остроту чувства ограбленности. Они заранее предвидели какое чувство радости и ~~подлинного счастья~~ вызовет возврат коров и в значительной степени ослабит озлобление населения.

Однако новые все возрастающие репрессии вели к тому, что крестьянские волнения, будучи задержаны в одном месте, вспыхивали в другом. Политбюро было конечно хорошо информировано обо всем происходящем в стране. Прикинув, что уже сделано в стране, Сталин сообразил, что после таких "уступок" народу, как возврат кур, мелкого скота и коров, немного примиривших крестьян со своим новым положением, как наименьшим из зол, можно сделать еще один последний шаг к отступлению, дабы в условиях некоторой успокоенности населения закрепить достигнутое. После этого на базе уже достигнутого будет нетрудно завершить сплошную коллективизацию, имея дело не с народной

массой в целом, а с отдельными крестьянами единоличниками, которые будут поставлены финансовыми и прочими мероприятиями в безвыходное положение.

И в самом деле, было достигнуто не мало. Самое главное - это политическая победа большевиков, выразившаяся в том, что им удалось расколоть крестьян, перессорить их, натравливая одну группу на другую и чужими руками жар загребать. Удалось создать себе опору в лице "колхозного актива", который вошел, так сказать, во вкус властвования над своими односельчанами, и вместе с тем будучи участником злодеяния творимого антинародной властью, вырыл пропасть между собою и ими, кроме того порядком поживился за их счет и имеет возможность, управляя колхозами, в дальнейшем находиться в сильно привилегированном положении. С другой же стороны удалось уничтожить под видом "кулаков и контрреволюционеров" наиболее энергичных и смелых, способных к сопротивлению, и влиятельных людей, обезглавив крестьянскую массу, лишить эту массу надежды на возможность избежать колхоза и почти окончательно убив в ней веру в возможность сопротивления, имевшуюся вначале коллективизации.

"Отцу" народов после организованного им террора, с массовыми арестами, выселениями многих миллионов людей и расстрелами, а также страшного опустошения народного хозяйства, выразившагося в истреблении десятков миллионов голов скота и порче инвентаря пора было выступить перед лицом наивного и доверчиваго народа в маске ангела хранителя свободы и человеческих прав. И вот появились одно за другим два письма Сталина: "Головокружение от успехов" и "ответ товарищам колхозникам". В этих письмах говорится, что очевидность преимуществ колхозного строя слишком велика и поэтому многомиллионные массы крестьянства лавиной повалили в колхозы. Но некоторые "плохие дяди" на местах, не довольствовались этим массовым рвением крестьян в колхоз и, забыв о том, что партия всегда стояла на позиции создания колхозов лишь на "добровольных" началах, кое-где перегнули палку, допустили перегибы явившиеся следствием головокружения от таких потрясающих успехов коллективизации. Кроме того, стараясь рассеять или ослабить страх у крестьян перед коммуной Сталин писал, что коммуна является наивысшей формой организации сельского хозяйства, что до такой формы, мол, еще далеко, до нее еще не доросли. А теперь, дескать, нужно начинать с простейшей формы организации с ТСОЗ-а /Товарищество по Совместной

обработке земли/. Получалось так, что Сталин даже уговаривает, удерживает "рвущихся" к "высшей форме организации, где не будет ничего своего, "ни кола, ни двора". Сталин также писал о том, что "народ" очень правильно делает, что ликвидирует своего заклятого врага "кулачество", а вот плохо, что опять таки те же "перегибщики" подвергли кое-где репрессиям и тружеников, мимо чего партия, как "защитница" интересов трудящихся, заботящаяся о них, как родная мать, не может пройти. В своей массе крестьяне приняли эти "письма" за чистую монету. И не один с искренним чувством благодарил "заботливого отца". Коммунисты же при "помощи" которых крестьяне "перли" в колхозы схватились за головы, Вспомним, что существует две "линии": одна для маскировки, а другая для действия. Им и в голову не приходило, что письма Сталина рассчитаны на то, что бы ему и руководимой им партии выйти сухими из воды, вернее из крови, а вину за все совершенные злодеяния свалить на "пешек", пустив известное их количество в "расход" и тем разрядить народное озлобление, дать народу, так сказать, некоторое удовлетворение за пережитые страхи и убытки. В этих же целях предстояло вернуть кое-кому из раскулаченных имущество, /которого давно в помине не было/. Таким образом должно было получиться, что все исправлено. Крестьяне наслаждались надеждой на восстановление своего единоличного хозяйства, а коммунисты дрожали в страхе за свою шкуру...

Теперь уже спокойно и безстрашно пошли крестьяне забирать свое добро из колхозов. Коммунисты и колхозный актив, которым было не выгодно лишиться своего господского положения, как могли препятствовали этому. Одни уговаривали, другие старались убедить крестьян, что они неправильно понимают Сталинские послания. Райком не знал, что ему делать и разослал директивы всеми силами стараться не допустить до развала колхозов. Ко времени выхода в свет первого Сталинского письма Н-ский район был уже коллективизирован на 96%. Лишь Яблоновка, да еще может быть 2-3 села оставались на уровне 90%. Теперь же после писем пошел сильный отлив. Однако, он был далеко не сплошным. Находились весьма мудрые и наблюдательные люди среди крестьян которые сомневались в искренности "писем" и даже усматривали в них какую-то ловушку. Обычно эти люди были из числа весьма влиятельных и наиболее развитых, но сохранившихся благодаря вступлению в колхоз. Они пока не спешили забирать свое коллективизированное имущество. Было не мало и подражавших им. Соломин и Коган разъезжали по району и на ушко

научали уполномоченных, чтобы те "по секрету" и "по дружески" говорили некоторым крестьянам, что сейчас, мол, будет происходить окончательная проверка тех, кто против советской власти. Этот слух сильно действовал на крестьян. В результате в ряде сел никто не решался первым забирать имущество. Там согнанные в колхоз крестьяне составляли коллективные заявления райисполкому о том, что они не хотят оставаться в колхозах, а просят узаконить ликвидацию их колхозов. Для того, чтобы не придирались к тем, чьи подписи стояли первыми, подписывались обычно всеором. На это им отвечали, что коллективные заявления разбираться не будут, а могут подаваться лишь заявления о выходе из колхоза отдельными лицами правлению колхозов. В результате в некоторых колхозах накопились горы заявлений.

Незадолго до опубликования писем Хайкин из-за болезни уехал из Яблоновки. Вместо него остался уполномоченный Андриенко. Хотя не было отбоя от желающих выйти из колхоза, но ему удавалось разными комбинациями удержать их. Андриенко, как и большинство уполномоченных имел строгие выговор за оппортунизм и прочие грехи, заключавшиеся в недостаточной жестокости и теперь боялся, что, если он не сумеет удержать колхоз, то исключения из партии не миновать. Наконец был объявлен первый день выхода колхоза в поле. Было распоряжение торжественно обставить выход. В Яблоновке имелся духовой оркестр и выход в поле сопровождался музыкой. Поле, куда выехали с плугами, разбили на загоны и под музыку по команде плуги углубились в землю и пошли ломать вековые межи. Плуги не успели сделать двух оборотов, как показались масса людей, идущих из села. Вскоре к работающим подошло не менее двух сот женщин. Во главе их шла середнячка Параска Берестенко. Женщины разыскав своих лошадей стали отпрягать их. Но мужчины, которым они были поручены пытались отстоять. Андриенко бегал по полю и кричал, что он арестует всякого, кто отдаст лошадей. Женские силы были слишком велики в сравнении с количеством работающих, а кроме того, большинство колхозников лишь делало вид, что не отдают лошадей, так как это дело оказывается было подготовлено заранее. Андриенко пытался не пустить женщин с лошадьми и чтобы напугать их, поднял стрельбу в воздух. Но женщины не обращали внимания и лишь выказывая свое презрение к нему, некоторые становились в неприличную позу. В колхозе пока лишь остались те, кто ощутил для себя личную выгоду, это были колхозные начальники, канцеляристы, кладовщики, кроме того остались

наиболее трусливые, а также те кто действуя по принципу "моя хата с краю" всегда стараются оказаться в стороне от всяких возможных неприятностей. Повидимому, были среди оставшихся и такие, которые видели дальше других и были уверены, что так или иначе все равно загонят обратно в колхоз. С 90% хозяйств охваченных колхозом в нем осталось не более 30%. По району в целом % оставшихся в колхозе снизился до 40. Лошади были разобраны с поля не в одной Яблоновке, а и в других селах. В некоторых же попросту забирали с конюшен, не ожидая пока будут разобраны заявления.

В район снова приехал председатель КК, но на этот раз для наказания "перегибщиков", сведения о которых он немедленно потребовал от райпарткома. Трудно было установить кто перегибщики. Прежде всего под эту категорию должны были подойти Соломин и Коган. Тогда еще не все понимали, что требуется "удовлетворение" крестьян, для чего нужны попросту жертвы. Узнав, что Андриенко поднял в поле стрельбу, а также справившись, что он не представляет особой ценности для партии, председатель КК вызвал его, отобрал партбилет, велел посадить под арест и в двухдневный срок судить. Одновременно он созвал всех уполномоченных и направил их в чужие села для проверки "перегибов", наделанных другими уполномоченными. Списки неправильно раскулаченных с указанием как мотивов, по которым они были раскулачены, так и реабилитирующих их факторов нужно было представить председателю КК в 24 часа. Через сутки в руках его был колоссальный список заключающий в себе 80% раскулаченных, из коих половина, если не больше, была выселена. В том же зале, стоя у той самой трибуны, с которой он не так давно, громил уполномоченных "оппортунистов", "подкулачников" и прочих "недогибщиков", теперь он начал громить "перегибщиков". Естественно в число "перегибщиков" попадали бывшие "недогибщики". Заранее составив список с отметкой менее ценных для партии людей, председатель КК кричал о том, что некоторые из них подлежат немедленному исключению из партии, а иные будут даже преданы суду, как это сделано с Андриенко, В числе последних он назвал Баранова. Он обвинял его в явно контрреволюционных действиях, выразившихся в том, что Баранов раскулачил нескольких бедных партизан, не имевших даже хат и живших в землянках. В результате у двоих из них умерли дети. Председатель КК, казалось, готов был броситься на Баранова и съесть его. Баранов не утерпел и схватился с места, но Коган осадил его. Председатель КК продолжал свирепствовать, он

говорил: "Уже я позабочусь, чтобы этого негодяя разстреляли в назидание другим". "Кто вам дал право, кричал он к собравшимся, творить эти троцкистские дела!" Зал онемел от страха. Не было ни одного человека, который не "накрутил" бы, выражаясь словами Председателя КК. Люди совершенно были сбиты с толку. Первым взял слово Баранов. Выбежав на сцену и потрясая гневно кулаками в воздухе он изо всех сил кричал, обращаясь к Председателю КК: "Не меня надо разстрелять, а тебя... Баранов сыпал отборнейшей матерной руганью. Ты уже забыл, как ты совсем недавно с этой же трибуны грозил меня да и других разстрелять за то, что мало раскулачили, за то, что щадили красных партизан, за то что был низкий % коллективизации. А знаешь ты, что после писем % коллективизации в моем сельсовете упал до 35%, а сегодня мне говорят, что когда узнали о составлении списков неправильно раскулаченных, то в колхозе осталось 15%, а завтра останется одно правление? Разве не ты после прошлаго твоего приезда исключал из партии тех кто заявлял, что уже давно нет кулаков, что уже половина середняков раскулачены, а ты им отвечал, что "кулак" всякий, кто не идет в колхоз? Чего же ты теперь от меня хочешь? Почему же ты перекрашиваешься, что Чеховский Хамелеон? Тебе жаль двух умерших детей, а тебе не жаль тех 1500 детей, которые вместе с родителями, многие из которых значительно беднее этих партизан, отправлены в ссылку и еще по дороге их половина погибнет? Ты спрашиваешь "кто дал право это творить что мы натворили"? "Я отвечу от имени всего зала - ты дал право, больше того вместе с окружкомом и райкомом угрозой заставил нас и бедняков раскулачивать и тех кто революцию на своих плечах вынес, лишь бы загнать народ в колхоз! Может я не правду говорю? Вот у меня записана вся твоя тогдашняя речь, за которую по нынешним установкам тебя нужно бы разстрелять и не раз а десять раз! Скажи, почему ты тогда давал такие директивы?" Я исполнял директивы ЦК и ЦКК," ответил председатель КК. "А теперь ты чьи директивы исполняешь?" допытывался Варанов. "Не я же их пишу," оправдывался председатель КК. "С ума можно сойти от этих ваших директив, меняющихся с каждым днем" продолжал Баранов. Только подумать, столько приложили труда, столько энергии истратили, такие жертвы понесли, добились наконец выполнения директивы ЦК - коллективизировали район на 96%, теперь вот тебе: возвращай раскулаченным имущество, возвращай их из ссылки, кто еще живой. А колхозы уже почти растаяли. Откуда гарантия, что завтра нас не начнете расстреливать за то, что колхозы развалились? А я больше чем уверен, что

это будет! Я думаю, что в ЦК сидят люди не с такими головами, чтобы делали что-либо сегодня, чтобы завтра раздумать. Я понимаю, что для успокоения народа очевидно надо было пойти на некоторые уступки и кое-кого для видимости и наказать, но бросаться головой из одной крайности в другую, как это делается у нас - это или преступление или глупость чья то. Исключите меня, не исключите, но я больше ни дня не останусь в районе. Довольно с меня! У меня уже нет нервов. Я все здоровье тут положил в этой дьявольской войне. И теперь вижу, что это было чем то вроде меряния дураком воды до полного надрыва". После Баранова стали довольно резко выступать другие. Все они выражали недоумение по поводу совершенной противоположности ролей, в которых выступал председатель КК прошлый раз и теперь. Многие цитировали его выступление на прошлом совещании и сравнивали с нынешним.

Затем выступил Соломин. Он заявил, что кое-кого безусловно придется наказать для близира. Так он и понимает письмо Сталина, из которого отнюдь не следует, что вся работа пошла на смарку, что колхозы можно распустить, а раскулаченных восстановить. Кое-кого, конечно, придется восстановить, чтобы успокоить население. Если же мы начнем массовое восстановление раскулаченных, а также допустим развал колхозов, нас по голове не поглядят. Вот тогда то наверно кое- кому из нас придется расстаться не только с партбилетом, но и с жизнью. Ибо не для того все это дело затевалось, чтобы так легко пустить его на ветер. В данном случае партия действует в точности согласно принципа, установленного Лениным. Она немного отступает от сделанных уже завоеваний, она временно оставляет некоторые менее важные позиции, сохраняя за собой главные позиции, дабы -"разбежаться и дальше прыгнуть". Главную же позицию завоеванную партией, а именно создание колхоза она не только не оставит, но теперь должны будут приложены все усилия, чтобы их закрепить, превратив в исходную позицию для дальнейшего наступления на единоличный сектор. Что касается раскулаченных, то всякий понимает, что без раскулачивания никаких колхозов нам было бы не создать. Кое кого из наиболее бедных, попавших в число раскулаченных, на положение пленных, можно будет реабилитировать, от чего только поднимается престиж партии. Остальные же должны быть на положении убитых в бою за коллективизацию и об их восстановлении не может быть и речи. В своем заключительном слове председатель КК повторил все то, что говорил Соломин и сказал, что якобы он умышленно немного сгустил краски в

своем докладе. Можно полагать дело обстояло иначе. Было ясно, что председатель КК плохо ориентировался в хитросплетениях и лабиринтах политики партии и он не понял ее маневра, рассчитанного на одурачивание простых людей. Через пару дней после приезда председателя КК % хозяйств, оставшихся в колхозах не превышал 15.

ЦК поспешил со своими спасительными инструкциями. В такой инструкции говорилось о том, что среди партийных руководителей округов и районов нашлись такие, которые не прочь развалить колхозы, созданные в жестокой борьбе с кулачеством. Эти люди, благодушествовавшие в то время когда нужно было ломать контрреволюционное сопротивление коллективизации, теперь не прочь не только самоустраниться от руководства колхозами, сложить оружие, но и передать его в руки кулачества, которое пользуясь этим безнаказанно разваливает колхозы. Самотек - смерть каждого дела. Колхозы оставлены на произвол судьбы. Предупреждалось, что каждый руководитель округа или района, не сумевший закрепить успехов коллективизации будет рассматриваться, как пособник врагов и понесет жестокую кару. В директиве предлагалось немедленно восстановить разваленные колхозы, прекратить практику самовольного разбазаривания колхозного имущества "несознательными" членами колхозов, идущими на поводу у кулаков. Безпощадно разоблачать и подвергать раскулачиванию укрывшихся "кулаков", очистив колхозы от всех нездоровых и разлагающих элементов. Кроме того, в директиве говорилось об обеспечении необходимаго руководства "первой большевицкой весной".

Такой директивы только и ждали партийные органы. Экстренно было созвано совещание уполномоченных и даны соответствующие указания. Одновременно были указаны фамилии раскулаченных, которых можно было возстановить. В среднем на село приходилось 3-5 таких хозяйств. Возстановлять колхозы поехали также Соломин и Коган. Соломин приехал в первую очередь в Яблоновку, где по его словам "кулаки" сильно подняли голову особенно после того, как был осужден Андриенко. Проведя первоначально совещание с колхозным активом и добыв от него сведения о "разлагающей" деятельности "кулаков" Соломин собрал как и в прошлый раз собрание бедноты и удалил с него тех, кто не оправдал "доверия партии и советской власти" и открыто помогал "кулакам" разваливать колхоз. Некоторые каялись, что поддались на "кулацкую" агитацию и старались раскрыть "кулацкие махинации". Соломин изложил перед собранием

факты, подтверждающие "разлагательную деятельность кулаков" и потребовал их раскулачивания. Всего решено было раскулачить 8 хозяйств "укрывшихся" от раскулачивания. В том числе было 2 хозяйства состоящие в колхозе. "Теперь, сказал Соломин мы прекратим эту чехарду с выходами и входами в колхоз. Теперь каждый самовольно вышедший из колхоза пусть благоволит подать заявление о своем возвращении с просьбой прежде всего простить его поступок".

Собрание проходило днем в Воскресенье. По случаю наступления весны на улицах было много народу. Беднота распределенная на бригады пошла громить вновь выявленных "кулаков". Видя это крестьяне бросились по домам и спешили скорее отвести в колхоз своих лошадей и отвезти возвращенный инвентарь. Они просили конюхов принять лошадей, но те отказывались, направляя всех в правление колхоза, где председатель Канторович, будучи проинструктирован Соломиным, говорил: "Вы почти развалили колхоз, а теперь снова хотите вернуться для развала. Так просто мы теперь не будем принимать. Пусть каждый пишет заявление и укажет причину, почему он ушел из колхоза и кто его науськивал это делать. Тогда посмотрим кого можно будет принять, а кого как "кулака" или кулацкого "подголоска" раскулачить". Около сельсовета скопилось сотни три человек с лошадьми. Царила неопишуемая паника.

Напуганные люди просили каждого грамотного человека в том числе уполномоченных писать заявления. После принятия заявления Канторович разрешал отвести лошадей в колхозные конюшни. У него был список тех, кого решено было больше других припугнуть. Заявления их были приняты, но оставить в колхозе лошадей не было разрешено: "Ведите пока своих лошадей домой, пока не разобрано ваше заявление. Неизвестно еще или мы разрешим вернуться в колхоз, или вас ждет нечто другое", говорил им Канторович. Таких было человек двадцать. Некоторые обращались к Соломину, прося его простить их и принять в колхоз. Но он им отвечал, что это дело председателя колхоза и правления. А его, мол, дело сторона.

Тем временем шло раскулачивание. В числе раскулаченных была и Параска. Она, лишенная всего имущества, и даже того, что было лучшего одетаго на ней по случаю воскресенья, пришла с детьми просить Соломина смиловаться над нею и детьми. Она горько плакала, умоляла его простить ее "преступление". "Я же поняла из письма Сталина, что колхоз дело

добровольное и по глупости своей забрала лошадей". Смеясь Соломин замечал на это: "Конечно дело "добровольное". Мы силой никого не гоним в колхоз. Люди сами просятся. Вот хотя бы и сейчас, кто их гонит, что тут как базар стал с лошадьми". Дьявольская насмешка была в этих словах. Но народ был безсилен даже слово сказать на это издевательство.

В один день колхоз был почти полностью восстановлен. Кроме новой волны раскулачивания, прошедшей во всех селах, было много арестовано так называемых "кулацких адвокатов". Это были люди, которые по просьбе колхозников писали им заявления о выходе из колхозов. Среди них было несколько учителей, были священники и были даже коммунисты, было два секретаря сельсоветов и другие. В ГПУ они "сознались", что писали заявления, имея специальное намерение развалить колхоз, после чего отправлялись в окружную тюрьму. Говорили, что их "допрашивали" так, что не "сознаться" почти никто не мог. Любой арестованный крестьянин чья подпись стояла в коллективном заявлении "признавал" себя "зачинщиком" и также отправлялся в тюрьму. Часть крестьян все же не вернулась в колхозы. По району коллективизация поднялась до 65% и на этом остановилась. Но, разумеется, 65% коллективизации были величайшей победой партии. Расчет Сталина оправдался. В возникшем напряжении была создана некоторая отдушина - кое кто из раскулаченных был восстановлен, кое кто из местных партийных террористов вроде Андриенко был для отвода глаз наказан, часть "неустойчивых элементов" из колхозов отсеялась, Но главная масса избрала между раскулачиванием и коллективизацией последние, как меньшее из зол. Огромные массы крестьян склонны были считать, что Сталин и хотел бы сделать лучше для них, да местные властители делают по своему. Люди продолжали жаловаться Сталину на незаконные, творимые местными властителями, саботирующими его указания. Но эти их жалобы дальше местного ГПУ не шли... Таковы были директивы исходящие от того же тов. Сталина. Правда, можно было встретить и таких крестьян, которые говорили: "ну и объехал нас Сталин. Ловко было подстроено насчет "добровольности". Волки то сыты да овечки не целы."...

Была созвана районная учительская конференция, на которую собрались и студенты-практиканты. ЗаврайОНО (отдела народного образов.) объявил, что раньше чем приступить к обсуждению школьных вопросов будет заслушан доклад секретаря райпарткома о политической роли учителя. Как раз вошел Коган, когда по этому вопросу взял слово учитель Давидовский.

"Мы имеем всего один день для обсуждения ряда неотложных

школьных вопросов и я не понимаю почему мы должны выслушивать политические доклады. Как будто наше дело заниматься политикой. Наше дело воспитывать детей. Я прошу снять этот доклад". "Скажите, обратился к Давидовскому Коган, сколько вы написали заявлений людям о выходе из колхоза"?

"Да пяток может быть написал, не помню" ответил Давидовский.

"Почему же вы до сих пор не арестованы? Сердито спросил Коган. Давидовский побледнел. "За что"? спросил он. "Как за что?, за политику, которую вы так не любите, вернее любите, но не нашу политику, не советскую, а антисоветскую. Вы больше не учитель! Убирайтесь вон отсюда! Совершенно пораженный Давидовский поспешил удалиться. В своем докладе Коган назвал нескольких учителей и учительниц, которые, как он говорил, став "кулацкими адвокатами" способствовали развалу колхозов, за что арестованы как политические преступники. "К сожалению, говорил Коган, не все такого рода "учителя" уже выявлены. Об этом свидетельствует выступление Давидовского. Так вот, товарищи, зарубите себе на носу, что аполитичных учителей у нас быть не может. Я уже не говорю о враждебно настроенных к советской власти, или же являющихся выходцами из чуждых нам слоев населения. Советская власть доверяет вам воспитание молодого поколения. Воспитание это не может быть вне политики, вне классовой борьбы. Оно должно быть строго классовым, готовя из ученика будущего строителя коммунизма, а таковым может быть лишь человек любящий партию и советскую власть, ненавидящий наших классовых врагов и свободный от религиозных предрассудков. Итак в основе школьного воспитания должны лежать два главных элемента: во-первых воспитание классовой ненависти и во-вторых безбожия. Вы должны привить ученику любовь к колхозу, как новой социалистической форме хозяйства и ненависть к кулаку. Вы должны самого маленького школьника включить в систему социалистического строительства, хотя бы поручая ему прислушиваться к разговорам разных ненадежных людей в колхозах, вступать в разговор с детьми раскулаченных, обо всем, что от них удастся выведать об антиколхозных разговорах или действиях их родителей, докладывать учителю. Таким образом, вы чуть ли не с младенчества привьете ребенку чувство классовой бдительности и эта ваша первейшая и благороднейшая обязанность. Свидетельством того, как далеко большинство наших учителей от политики является то, что в ряде школ и по сей день учатся дети раскулаченных и членов церковных двадцаток. Я

приказываю вам именем партии немедленно выбросить вон всю эту вражескую детвору..." Затем Коган говорил о той роли, которую должны учителя играть непосредственно в укреплении колхозов: Заводя счетоводство, воздействуя своим авторитетом на колхозников в смысле укрепления трудовой дисциплины особенно в связи с начавшимся весенним севом. "Не скрою от вас, сказал Коган, что в вашей среде есть еще не мало людей чуждых и малонадежных и этих людей мы должны будем удалить, не останавливаясь перед закрытием школ. Всякий уклоняющийся от участия в колхозном строительстве или же от коммунистического воспитания детей рискует оказаться в числе этих лиц". После я слышал, как один учитель из районной семилетки говорил другому: "Классовое воспитание в нашей школе дошло до того, благодаря коммунисту Борщову преподающему уроки политграмоты, что ученицы 7 класса во время урока бросают ему любовные записки. А когда кто-то из учеников выкрал у нескольких девочек, в том числе и пятиклассниц, дневники и подбросил в учительскую, то мы ужаснулись их содержанию и не могли читать вслух даже одни учителя мужчины". Другой учитель говорил: "я теперь окончательно убедился, что служить честно советской власти можно только против народа".

После учительской конференции была произведена жестокая чистка, как среди учителей так и среди учеников. Некоторые школы оказались вовсе закрытыми, пока отдел народного образования не сделал соответствующего перераспределения учителей, заслуживающих доверия и готовых служить партии и советской власти. Эта готовность служить выразилась прежде всего в том, что многие учителя вместо работы в школе вынуждены были помогать колхозам составить наряды на работу и бродить по полям, производя учет работы. Это было время когда все силы бросались на весенний сев, когда все было подчинено ему. В партийных директивах говорилось, что "первая большевистская весна" должна сыграть решающую роль в закреплении созданных колхозов посредством ликвидации меж и создания колхозного клина, а также приобретения навыка крестьян к коллективному труду. Двадцатипятилетний председатель колхоза Кантерович, не понимавший "на чем булки растут", иногда проявлял такое невежество, что колхозники надрывали бока. Однажды осматривая приготовленные семена, он, обращаясь к полеводу, спросил, а где же сечка? /резаная солома/ вы сечку не забудьте оставить на семена". Колхозники покатались со смеху. Он удивленно поглядел на них и спросил: "Чего вы

смеетесь?" "Да тут у нас свое" ответили колхозники с трудом сдерживаясь... Никаких особых затруднений в организации сева в Яблоновке не было. Яблоновцы, будучи впряжены в колхозное ярмо несли его молча, безнадежно опустив головы...

Оставшимся единоличникам были отведены самые худшие земли, в том числе и совершенно непригодные для обработки, требующие предварительной затраты колоссального труда. Размер бывшего надела обычно был нарушен. Бедные труженики день и ночь работали целыми семьями, засыпая овраги, унаваживая отведенные им участки. Они еще наивно надеялись, что добытыми от земли плодами смогут сами распорядиться. Они не знали, что им начислят громадные денежные налоги, а осенью потребуют сдать весь хлеб добытый каторжным трудом...

Во многих селах все еще продолжала идти борьба за выход из колхозов особенно там, где % единоличников был сравнительно высокий. Видя как единоличники в одиночку трудятся на своих полосах, у колхозников и особенно у колхозниц сердце рвалось от боли. Очень часты были случаи борьбы внутри семей между мужьями и женами. Жены требовали выхода из колхоза, мужья же больше руководствуясь соображениями нежели чувствами, видели в этом лишь новые опасности. Когда же появились на полях "Джон-Дир" /тракторы/ вновь организованной в районе МТС, женщины ополчились против них. Мотивы борьбы против тракторов были разные: одни говорили, что газами исходящими от "нечистаго" напитается святая земля и вместо хлеба будет родить один чертополох, другие, что государство обрабатывая своими машинами землю заберет себе весь урожай, третьи, еще чем либо объясняли свою борьбу. В некоторых селах женщины выходили массами на поле и ложились впереди тракторов поперек борозд, В одном селе сильно изувечили тракторы топорами и другими железными предметами. Власти, не имея возможности справиться с массовым движением сопротивления женщин, вызывали мужей и грозили им разными репрессиями вплоть до исключения из колхозов и раскулачивания, если они не уймут своих жен. Некоторые пытались унять. Поскольку уговоры не действовали затевались драки. Случалось, что мужья шли в поле унимать своих жен, а возвращались как следует избитыми, поскольку женщины действовали солидарно и были чрезвычайно воинственны. Обещание хорошей платы за работу создавало приманку для поступления на курсы трактористов. Теперь же когда трактористы сели за руль трактора, они были часто стаскиваемы оттуда

отцем или матерью. Борьба внутри семейств кончалась иногда убийствами. Так однажды утром был обнаружен повешенным на тракторе тракторист. Оказывается это сделала мать с другим сыном. Они сперва задушили его, а потом повесили.

В некоторых селах сопротивление женщин было столь массовым, их и решительным, что аресты производимые среди них еще больше их озлобляли. Из этих сел приходилось пока уводить тракторы в другие села. Интересно, что местами колхозники брали на себя обязательство раньше и лучше обработать землю на лошадях, только бы не работали тракторы.

Для прекращения или хотя бы ослабления борьбы женщин против тракторов большевики нашли средства. Они усилили репрессии против духовенства, объясняя это тем, что якобы женщины действуют по его наущению. Конечно, это был вымысел. Священнослужители были уже столь терроризированы, что иного совета, как только покоряться, уповая на волю Божью, они никому не давали. Однако, уязвимое место верующих крестьянок было нащупано. Они большими группами шли в райисполком и ГПУ просить освободить ни в чем неповинных их батюшек. Они уверяли, что готовы уже терпеть и тракторы.

В некоторых колхозах бывали случаи, когда у кормах для лошадей обнаруживалось стекло, а в дышла оказывались набитыми гвозди. Гвозди также обнаруживались вбитыми лошадям под копыта. Естественно, что на эти акты вредительства власти отвечали исключениями из колхозов и арестами, чем добивались улучшения работы колхозов. Я слышал не раз разговоры, что это вредительство было делом рук коммунистов в провокационных целях. Местами бывали попытки разобрать лошадей даже тогда, когда сев уже был наполовину завершен. В селе Ш. одна вдова подготовила заговор женщин и они должны были ночью забрать лошадей. Но раньше чем это случилось в ту же ночь эта женщина была раскулачена и арестована. Это объяснилось тем, что и партия и ГПУ все глубже пускали свои корни, обзаводясь агентурой среди таких людей, которым население еще вполне доверяло. Чем бедственней и безнадежней становилось положение населения, тем все больше слабели узы дружбы и солидарности и все больше распространялось предательство.

Дабы непрерывно поддерживать среди населения чувство страха время от времени производилось выселение небольшими партиями. Однажды ночью в Яблоновку приехал директор районного отделения Государственного банка Васильев. Согласно разверстки ГПУ полученной

из округа по району нужно было арестовать и выселить 85 семейств. В том числе на долю Яблоновки приходилось 3 семьи. Васильев имел список в 5 семейств, из которых он мог выбрать любых три. Взяв председателя сельсовета и еще одного коммуниста он пошел. Сперва они пришли к одному старику единоличнику, который был членом церковной двадцатки. Старуха была при смерти, поэтому его оставили и пошли к другому. Это был раскулаченный, как бывший член партии социалистов-революционеров, несмотря на его бедность и многочисленную семью. Войдя в избу и засветив карманный фонарик, Васильев увидел лежащими на полу около десятка тесно прижавшихся друг к другу детей, покрытых жалкими лохмотьями. Отец их лежал на холодной печи постепенно разрушаемый туберкулезом. Пораженный Васильев удалился и пошел к остальным, из которых 2 семьи было раскулаченных. Все они жили в ужасной нищете, все они были несчастны, но выхода не было. Васильев был обязан в эту же ночь отправить любой ценой ~~живых или мертвых~~ три семьи на станцию в 70 километрах, где был сборный и отправной пункт. Один из этих троих раскулаченный, бывший в царское время рядовым полицейским имел также огромную семью. Васильев объявил, что они должны сейчас же собираться в ссылку. 12-летняя девочка бросилась к нему, целуя руки и умоляя пощадить их. За нею и другие дети. Они стояли перед ним на коленях, тянулись к нему ручками и умоляли "дяденька пощадите нас". Сердце у Васильева готово было разорваться на части и он еле сдерживал рыдания. Когда же 16-летняя дочка хозяина, которая не плакала, а лишь глубоко вздыхала, обратившись к остальным детям, сердито крикнула "встаньте," не смейте унижаться перед врагом", Васильев не выдержав заплакал. Тогда лишь горько расплакалась и девушка. Собравшиеся соседи видели эту картину и говорили: "Есть и между них люди, не все же собаки. Ему поручили и он делает, скажут убивать и убивать будет. Сказано восстанет брат на брата, и сын на отца." Семья не могла поместиться на одной телеге, пришлось подождать вторую. Все были голы, а ночи еще были очень холодны. Тогда Васильев приказал председателю сельсовета: "садись на телегу и быстро езжай к старику, что мы у него первого были. У него видно сохранились вещи. Захвати пару свиток да кожух, да 2-3 пары обуви. Да бери которое получше и пусть благодарит, что его не отправляем." Председатель сельсовета вернулся с одеждой и обувью. Несчастливая семья могла немного прикрыть свою наготу, и благодарила Васильева. ~~Об этом его поступке с похвалой отзывались крестьяне.~~

За то от Когана он получил хороший нагоняй за сентиментальность, примиренчество и сочувствие "к классовому врагу". Однако, и после этого Васильев не мог вспомнить об этом выселении без слез. Васильев принадлежал повидимому к тем очень немногим партийцам, которые из столь жестокой и бесчеловечной войны с народом, каковой являлась борьба за колхозы, вышел не утратив еще окончательно чувства сострадания. Другие же какими бы они раньше ни были постепенно превращались в подлинных извергов. Один из таких коммунистов рассказывал: "бывало отвезут тебя в село, оставят там - заготовь столько то хлеба, хоть сдохни. Тоска, скука, беспомощность, страх за должность и людей жаль, места себе не находишь. Приедешь ни с чем, а как всыпят тебе на заседании райпарткома, после этого едешь с иным чувством. Проходит еще немного времени привыкаешь гыркать на людей и готов разорвать тех, кто не сдает хлеб. А за время коллективизации я и вовсе потерял чувство жалости. Осталось только одно чувство - это страх перед наказанием за невыполнение задания партии"...

Готовясь уехать из района Соломин собрал совещание уполномоченных. Многие надеялись, что им также разрешат в конце концов вернуться. В зале царило веселое настроение. Подойдя к столу Соломин увидел дружеский шарж художественно выполненный одним из городских уполномоченных художником и артистом. На рисунке был представлен Соломин, громящий огромной суковатой дубиной крестьян, в том числе старцев, женщин и детей. Здесь же была надпись: "Внук Крокодила, сын льва, гроза кулаков, он же Соломин".

Неизвестно какую идею автор вложил в этот шарж.

На другом листе бумаги было нарисовано знамя с надписью "Когану от благодарных кустарей и уполномоченных горожан. Отпусти наши души домой на покаяние". Когда Коган показал рисунки и прочел надписи зал разразился хохотом.

Веселье скоро сменилось грустью.

В своем докладе Соломин подытожил итоги борьбы за коллективизацию и изложил стоящие перед партией задачи. Он говорил, что "сбросив путы" единоличного хозяйства и став на путь высокопродуктивной социалистической системы, крестьянство будет постепенно перерождаться. Но это возможно лишь под руководством партии. Будучи предоставлено самому себе оно неизбежно подпадет под влияние враждебных элементов, которые стараются всячески разжигать в нем частно-

собственнические инстинкты и будет стремиться не вперед к коммунизму, а назад к капитализму. Районная парторганизация слаба, как количественно, так и в особенности качественно. Поэтому уполномоченные присланные окружкомом должны будут еще остаться хотя бы на месяц. Из 126 уполномоченных, присланных округом за время коллективизации было исключено из партии 13, а отозвано по разным причинам и по болезни 9 человек. Остается 104. В целях укрепления местной парторганизации Окружком решил оставить для постоянной работы в районе 34 человека. Все замерли в ожидании кого назовет: Соломин начал читать список. Из 34 человек для работы в райцентре оставлялось трое, остальные посылались в качестве председателей сельсоветов, колхозов, секретарей партячеек и для работы в МТС.

"Меня обманули, меня послали всего на месяц, а теперь на постоянную работу оставляют в этой глуши" выкрикнул один из уполномоченных. "Если ты считаешь, что партия способна обманывать своих членов, сказал Соломин, тогда тебя придется выбросить из ее рядов". Уполномоченный старался оправдаться.

"Раз ты член партии, значит ты живешь не для себя, а для нее. Что она тебе поручила, то ты должен выполнить. Прикажет умереть - умрешь. Без такой железной дисциплины не было бы партии и советской власти" закончил Соломин...

Колхозное ярмо, надетое на 8 тысяч крестьянских семейств в районе передавалось в надежные руки. Свободные труженики должны были постепенно превращаться в полных рабов государства, что с успехом и было достигнуто. Не замедлили сказаться и первые блестящие результаты коллективизации. В первую очередь это было введение продовольственных карточек, пришедших на смену изобилию сельскохозяйственных продуктов и их дешевизне.

~~Ниже привожу некоторые рассказы Голованя относящиеся к другому району и более позднему периоду и дополняющее вышеизложенное.~~

Война коммунистической власти с народом руководимая из одного центра, одними и теми же вождями, естественно, велась точно такими же методами, как в Яблоновке, в любом ином селе районе и округе.

Для примера приводим некоторые рассказы, относящиеся к более позднему периоду.

БУНТ.

28 мая вечером, вернувшись из села, я страшно уставший, разбитый и промокший до рубашки от полоскавшего меня всю дорогу дождя, поужинал и лег спать. Я тогда жил один, жена еще училась. Не успел я вздремнуть, как в окно сильно постучали. Это был зав. райзо /завед. районным земельным отделом/ Валуев, оставленный для работы в районе из числа бывших уполномоченных, недавно отпущенных из района. "Скорее одевайся, бери плащ, револьвер и быстро в ГПУ" сказал он с тревогой. Одевшись на скорую руку, я накинул плащ, поскольку дождь продолжал идти, и побежал. Револьвера у меня не было. Я принципиально был против ношения партработниками оружия. В ГПУ я застал в сборе районную верхушку. Все были чрезвычайно взволнованы. Уполномоченный ГПУ все время накручивал телефон и никак не мог дозвониться до округа. Когда он брал трубку, рука его тряслась, как в лихорадке. Секретарь райпарткома Бабков был как потерянный. Страх передался и мне, хотя я еще не знал в чем дело.

Тов. Головань, обратился ко мне Бабков. Дело очень серьезное. Волнения охватили Д-ский район и перекинулись к нам. Боюсь, что вот-вот вспыхнет возстание. В селе Варваровке произошло следующее: перед вечером туда приехали особоуполномоченный Окр.ГПУ Гавриленко и начальник уголовного розыска Перец. Арестовав бежавшего со ссылки бывшего церковного старосту Сидоренка они в сельсовете стали оформлять соответствующий протокол. На колокольне стали бить в набат, но они не обратили на это внимания. Через несколько минут сельсовет был окружен народом. Все были вооружены кто вилами, кто топором, кто косой. Послышались крики "бей их". Помещение моментально наводнилось людьми. Если бы Гавриленко и Перец взялись за револьверы их наверное растерзали бы, но они сидели оцепеневшие и не шевелились. С них сорвали оружие. Их поволокли на улицу. Тысячная толпа ревела. Слышались яростные крики "Бейте их, что вы смотрите! Женщины, как бешенные, рвали на них одежду и плевали им в лицо. Но к счастью нашлись такие, которые призывали толпу к порядку. Обращаясь к толпе, один крестьянин сказал: "эти люди нам ничего плохого не сделали, а человека они арестовали, исполняя свою должность. Поэтому мы ничего плохого не будем делать с ними и оружие им вернем если они дадут подписку, что впредь не будут трогать Сидоренка и кого либо другого в селе". Гавриленко и Перец такую подписку дали. Тогда толпа подняла Сидоренка на руки и понесла его вдоль

улицы, при чем пели одни "Боже Царя храни", а другие "Ще не вмерла Украина". Подойдя к бывшей усадьбе Сидоренка, выгнали из хаты жившаго там коммуниста, а Сидоренка на руках внесли в хату. Гавриленко и Перец примчались в район в изорванной одежде с исцарапанными физиономиями. Гавриленко переодевшись уехал в округ. Мы послали шифровавшую телеграмму в окружном и ГПУ о происшедшем и получили ответ, что срочно высылается батальон войск ГПУ. К сожалению, не указано на какую станцию он прибудет. А теперь вот звоним и никак не соединиться с городом, похоже, что кто-то умышленно мешает. Теперь надо кому то туда выехать. Я хочу остаться здесь, потому, что неизвестно что будет с районом в целом, а кроме того я не мастер по политической работе с людьми. Единственным человеком могущим что-то придумать и, если не остановить начавшагося бунта, то может быть хоть задержать его распространение, пока прибудут войска, являешься ты. С тобой поедет Валуев, а также весь штат ГПУ и милиции, оставив здесь лишь дежурнаго. Конечно ты должен быть ко всему готов, но я думаю, что все обойдется благополучно". "Ты все мне изложил?" спросил я. "Все. Вот Перец тебе может уточнить, если я что не так передал." Перец сказал, что все произошло в точном соответствии с изложением Бабкова. У меня ком подвернулся под ложечку и сперло дыхание, но я внешне старался казаться спокойным и сам себя успокаивал, что ничего там страшнаго пока не произошло. Мы выехали на четырех фэтонах. Со мной ехал Валуев и уполномоченный ГПУ. До Варваровки было 13 километров и лошадей гнали хорошей рысью. Дождь прекратился, но молния без конца сверкала и ослепляла нас. Я спросил уполномоченного ГПУ и Валуева об их мнении. Оба они считали, что нужно тихо пробраться в село и по одному арестовать людей, которые по мнению Перца могли быть организаторами бунта. Перец работает здесь много лет и он почти всех знает в лицо. В качестве провожатых придется использовать кое-кого из своих людей. Я с этим проектом не мог согласиться и сказал почему. Я соображал так: во-первых нам неизвестны действительные организаторы бунта и мы наверное будем брать людей совсем мало значущих, во-вторых после ареста одного-двух - ударят в набат и если мы не выскочим нас прикончат. Бунт может приобрести более серьезные размеры. Я сразу не мог изложить свой проект. Дело было слишком сложное, чтобы можно было моментально выработать план действия. К тому же глубоко вдуматься мне мешало сильнейшее волнение. Понадобилось бешеное напряжение силы воли, чтобы можно было сосредоточиться. Я старался внушить себе в

соответствии с учением Ленина и Сталина, что безвыходных положений не бывает. Что при решении самых сложных и трудных задач главное значение имеет субъективный фактор. Следовательно и в данном случае победа или поражение будет зависеть от меня. Видимо никто из моих спутников не был в состоянии правильное решение найти. Я стал напряженно думать и ничего иного не мог придумать, как найти способ для разъединения крестьян. Только расколов их и столкнув между собою можно было безболезненно ликвидировать вспышку, без применения военной силы, ибо такое применение политически невыгодно. Важно было потушить крестьянский пожар руками самих же крестьян. Такая чисто политическая операция была бы для нас очень выгодна и укрепила бы позиции в селе, утвердив их не на штыках, а на определенной части самого же населения. Такую идею не я конечно, придумал. Она, лежит в основе учения Ленина и Сталина. Такого рода установки мы имели от партии и в период коллективизации. Тот кто понял и воспринял их, легко справлялся с задачей, тот же кто ничего не понял и рассматривал крестьян как одно целое и противопоставлял себя всей крестьянской массе, тот не только не мог провести раскулачивание и коллективизацию, но часто был сам бит и вызывал волнения и даже возстания. Главная мудрость большевизма, обеспечивающая ему успехи в том и заключается, чтобы найти себе всюду опору в рабочем ли классе, поскольку его тоже нельзя рассматривать как монолит, в крестьянстве ли, среди интеллигенции, и даже среди явных врагов, как напр. духовенства и остатков господствовавших классов. Больше того, суметь найти опору в отдельной семье, противопоставляя одних ее членов другим. Своими успехами на фронте раскулачивания и коллективизации, я обязан тому, что сумел овладеть этой главной большевицкой мудростью. Достаточно было мне зацепиться за маленький крючечек, найти одного какого либо самого незаметного и невзрачного человечка в селе, как мои шансы на победу возросли в 100 раз. ~~и некра разгоралась в пламя.~~ Через 1-2 дня я имел сильную опору и мог начинать наступление. Конечно, эта опора была всегда малочисленной и за нею стояла сила власти, но все же это был коллектив наших людей в недрах самого врага, достаточный для взрыва его изнутри. Я свой план изложил спутникам и они с ним согласились.

Подъехав к хутору, находившемуся в сотне саженой от Варваровки я предложил остаться там уполномоченному ГПУ со всеми своими людьми. "Мы же с Валуевым", сказал я, "пойдем в село, сделаем разведку и если ничего особенного не случилось, приступим там к политической работе.

Если что серьезное - то вернемся сюда. В случае грозящей нам опасности Валуев подымет стрельбу." Я же оставался без оружия. Со мной согласились. И мы с Валуев отправились в село, стараясь осторожно ступать по лужам, в которых тонула сельская улица. Очень часто сверкала молния. При сильном освещении мы замирали на месте, а затем снова двигались. В селе царила зловещая тишина. Казалось здесь все умерло или притаилось. Председатель колхоза из присланных городских коммунистов нам мог помочь мало и мы, пройдя мимо него, решили зайти к местному коммунисту Пахоменко, работавшему кладовщиком в колхозе и находившемуся у нас на хорошем счету. Чем ближе к центру села, тем настороженней мы становились. Каждый кол нам казался человеческой фигурой, подкарауливавшей нас. Наконец мы пробрались к Пахоменке. На наш осторожный стук никто не отвечал. Мне показалось, что за углом что-то треснуло. Заглянув туда Я УВИДЕЛ ЧЕЛОВЕКА ОСТОРОЖНО СПОЛЗАВШАГО С ОКНА "Пахоменко не бойся - это Головань", сказал я шопотом. Он подошел. У него так стучало сердце, что мне было слышно. Мы вошли в хату. Окна были закрыты подушками. Зажгли коптилку и мы осведомились о том, что делается в селе. Пахоменко сказал, что после того, как Сидоренко внесли в свою хату, удалили из изб раскулаченных всех кто там жил и вселили бывших хозяев, которые не попали в ссылку и продолжали жить в селе. На вопрос как это было сделано, Пахоменко ответил, что выселение происходило очень мирно, никаких насилий и издевательств не было. Бедняки и коммунисты жившие в этих хатах спокойно могли уйти забрав весь свой скарб. Больше ничего в селе не произошло. Но вечером видели как Сидоренко и еще двое пошли в соседнее село Д-ского района, где происходят волнения и есть случаи убийства коммунистов. На мой взгляд обстановка складывалась для нашей работы благоприятно, если только Сидоренко и его спутники, вернувшись в село не заварят до утра новую кашу. Надо было торопиться. Набросав с помощью Пахоменко списочек наиболее надежных людей я поручил ему быстро пробраться к ближайшим коммунистам и с их помощью собрать сюда всех коммунистов, и включенных в список бедняков. Пахоменко побоялся, однако, чтобы собирались к нему в избу и решено было собраться в школе. Прошло не больше 20 минут, как в школе были собраны коммунисты и беспартийные всего в числе 13 человек. Я просил рассказать все что кому известно о подготовке бунта, кто его инициаторы, кто бил в набат, кто кричал у сельсовета "бей их!", кто рвал одежду на Гавриленке и

Перец и плевал им в лицо и т.д. Известно ли чтонибудь о дальнейших замыслах бунтовщиков. Оказывается местные люди все хорошо знали. Знали также, что в Д-районе наряду с возвратом раскулаченным их хат распускали колхозы. Кроме того бедняки, не ожидая, пока от них силой начнут возвращать полученное ими или купленное имущество раскулаченных, сами начали сносить его в определенное место. Я и Валуев аккуратно записывали все эти сведения. Затем я попросил собравшихся назвать все известные им случаи насилий или угроз по отношению к беднякам со стороны раскулаченных и зачинщиков бунта. Меня попросту засыпали ответами, из которых следовало, что некоторые из раскулаченных и организаторов бунта, в особенности их жены и дети открыто говорят, что придет время и они тех, кто раскулачивал и загонял людей в колхоз будут на вилы поднимать. Все эти случаи мы записали, как равно и рассказы о том, какое кто сопротивление оказывал еще во время раскулачивания и тем засвидетельствовал свою опасность. Затем с помощью присутствующих я составил список бедняков, которых полезно было собрать в школу. Вызов должен был производиться по возможности осторожней, чтобы не будоражить село и побыстрее, несколько до разсвета осталось не больше 3 часов. Я рекомендовал, чтобы каждый приходящий на собрание захватил с собой топор или какое либо другое холодное оружие поудобней и не громоздкое, вроде шкворня, железной палки, ножа, которым свиней режут. А имеющим охотничьи ружья, захватить их. В школе осталось лишь двое коммунистов, которые, будучи чужими не знали адресов вызываемых крестьян, а также двое активистов, вооружившихся увесистыми дубинами и охранявшими наружный вход в школу. В дверях был оставлен маленький проход. С дубинами стояли не снаружи, а внутри. Здесь же один коммунист регистрировал всех проходящих. Окна были плотно закрыты из середины, так что не было видно, кто находится внутри. Несмотря на предосторожности одновременно с первыми бедняками к школе направились со всех сторон и другие крестьяне. Количество их во много раз превосходило количество вызванных бедняков. Каждый из—них, пытавшийся пройти внутрь вежливо предупреждался о том, чтобы не закрывал проход для вызванных. Тяжелая дубина указывала на то, что следовало повиноваться. Около школы скопилось все село. Но никто не знал кого и для чего вызывают, а главное кто находится внутри. По свидетельству пришедших на собрание в народе растет паника. На собрание прибыло 67 человек. На материалах полученных мною от актива

я построил свой короткий доклад пред собравшимися, среди которых около половины также участвовали накануне в бунте. Я постарался внушить беднякам, какая страшная расправа их ожидала бы, если бы взбунтовавшимся удалось бы захватить власть. Пока пришли бы войска, говорил я, все вы были бы подняты на вилы или же болтались бы на веревках." Стараясь разукрасить все почерпнутые мною факты о былом сопротивлении и угрозах, а также напомнивши им некоторые эпизоды из времен гражданской войны переданные активом я сумел внушить такой ужас собравшимся, что они не могли усидеть на месте. Некоторые бросали реплики о том, что пока не поздно нужно действовать. Когда я спросил кто что хотел бы сказать, то почти все поголовно подняли руки. Некоторые со слезами просили прощения за участие в бунте, что объяснялось как они говорили, их "несознательностью". Иные называли разные дополнительные факты и детали к уже сказанному. Наиболее разъяренными, естественно, оказались задетые за живое, будучи выброшены из кулацких хат. Я не давал много говорить и речи длились всего по минуте, по две. Но это были острые и пламенные слова людей, сердца которых рвались от страха внушенного им и искавшие спасения от грозившей им опасности. Я спросил, готовы ли драться, если организованные кулаками односельчане бросятся на них. Все они в ответ показали из под полы топоры, ножи, или приподняли какой нибудь кусок железа. "Хорошо", сказал я, "имейте в виду, что ваша сила в единении и смелости, Ничего, что вас мало. Мы должны прежде всего схватить организаторов бунта и Сидоренку. Затем арестовать всех раскулаченных вселившихся в свои хаты, а семьи их выгнать. Кроме того мы раскулачим как организаторов бунта, так и его наиболее активных участников, из тех кто еще не был раскулачен." Собрание было разбито на 8 бригад. Во главе каждой бригады был поставлен наиболее смелый человек. Бригады выходили одна за другой, стараясь держаться подальше друг от друга для создания впечатления о значительно большем количестве людей, чем их было в действительности. Они молча проходили через огромное количество народа, направляясь каждая по своему маршруту. На дворе еще было темно. Мы с Валуевым вышли затерявшись в середине одной из таких бригад. Вслед за нами народ стал рассеиваться по домам. Послышавшиеся вскоре крики свидетельствовали о том, что началось.... Эти крики внушали страх населению и те, кто еще не успел попасть домой, помчались изо всех сил разбрызгивая жидкую грязь. Еще полностью не рассвело, как 43 человека со связанными назад руками были доставлены в

хутор за Варваровкой как бы в подарок уполномоченному ГПУ. Не удалось поймать лишь Сидоренку. Из колхоза пришло несколько подвод, на которых они были отправлены в район, а затем в округ. Батальону войск ГПУ пришлось вернуться с дороги и направиться на подмогу другому батальону наводившему порядок в Д-ском районе.

Все 43 человека на следствии в окр.ГПУ "сознались", что они участники раскрытого в то время СВУ /Союз Освобождения Украины"/.

ПЕТЛЯ ЗАТЯГИВАЕТСЯ ПОТУЖЕ.

Приближалось время уборки урожая 1930 года. Кроме секретаря райпарткома никто из районных руководящих работников не сидел в райцентре, все непрерывно находились в селах, приезжая лишь на заседания райпарткома. Мы очень боялись за предстоящую уборочную кампанию. Кое где колхозники тайком готовились снимать урожай единолично. Они даже заблаговременно делили землю и втыкали маленькие, для непосвященного незаметные, колышки. Директивы от окружкома и ЦК сыпались в таких количествах, что секретарь не успевал их прочитывать. В директивах давались указания о подготовке к уборке урожая, обращалось внимание на то, какие непредвиденные препятствия могут возникнуть в связи с неизбежными "кулацким саботажем". Говорилось также о строжайшей ответственности райпарткома.

Мы пытались заранее создать производственные звенья для работы на жнейках и лобогрейках, а также для работы косами. Колхозники же всеми силами старались, чтобы эти звенья создавались по родственному принципу и чтобы каждому звену выделить участок. Ясно, что за этим была определенная скрытая цель. Они все же не теряли надежду на развал колхозов и в случае развала имели бы свой участок, на котором производили уборку. Конечно, мы не могли на это пойти. Но если здесь дело сводилось к политической и организационной работе, то в подготовке уборочного инвентаря были попросту непреодолимые трудности. По существу ни одной машины не было целой. Весной пришлось сеять без семяпроводов, а к уборке жнейки не имели ножей. Часть их не была сдана при обобществлении машин, а часть была умышленно разворована с колхозных дворов. Много машин было специально подвергнуто порче. Редко какая молотилка имела барабан, или ремни, а веялка сита. И вот все это надо было доставать, а достать было негде. Мы возложили ответственность за приведение в порядок всех машин на председателей колхозов под страхом предания их суду. И они, давая за счет колхоза большие взятки снабженческим торговым организациям кое-что доставали у них, а кое-что покупали у колхозников, но обычно в чужих селах, так как свои боялись что-либо выявить из утаенного или украденного. В директивах особое внимание уделялось вопросам подготовки противопожарных мероприятий, так как предполагались массовые пожары. Колхозы должны

были увеличивать количество объездчиков. Однажды приехав из села и зайдя в райпарк, я увидел маленького человека с большой головой, сидевшего на стуле, подобрал под себя ноги. Он неистово ругался "матом" и стучал по столу кулаком. Секретарь райкома стоял перед ним бледный, вытирая пот заливавший лицо и, пытаясь что-то сказать все повторял: "Станислав Викентьевич?" Коснор был очень сердит и продолжал его "мыть" все за ту же неподготовленность к уборке и к борьбе с пожарами, а также за "сильнейшую" как он говорил засоренность наших колхозов "кулаками", "националистами" и "петлюровцами". На слова секретаря о том, что нам приходится вести подлинную войну, Коснор заметил: "тоже сравнил. Да где ты видел такую войну, чтобы несколько человек воевало против дивизии. Несколько десятков коммунистов и то в большинстве безтолковых, должны у нас воевать против десятков тысяч мелкой буржуазии окружающей и порою засасывающей наших коммунистов. Но главная трудность не в том, что нас мало, а в том, что мы окружены врагами явными и тайными, смотрящими на нас хуже как на разбойников. Вот здесь и нужно быть подлинным полководцем, но не военного типа, а таким, который сумел бы побеждать почти без армии, создавая армию из самих же крестьян."

Когда Коснор собрался уезжать, то за ним подъехало целых пять машин. Он уселся один в "Ройс-Рольс". Его машина ехала посередине, впереди и сзади ехало по две, имея каждая по несколько таинственных пассажиров. Так я увидел впервые одного из вождей. Мое мнение о Косноре до сего времени было иное. Я привык видеть в вождях людей необыкновенных, как бы сверхестественных, с особым сверхчеловеческим умом, с каким то особым поведением. В Косноре же я увидел обыкновенного человека, понимающего, что делается в селе хуже нашего, а главное ведущего себя так, как никто в районе себя не ведет. Единственный человек, позволяющий себе матерно ругаться на заседаниях райпарткома - это уполномоченный ГПУ. Когда же секретарь призывает его быть сдержанней, так тот отвечает: "хорошо тебе, когда ты имеешь дело в большинстве случаев с людьми, а попробуй побывать в моей шкуре, работая с разного рода "контрой" по 15-16 часов в сутки, да попробуй добиться от них "признания", каков ты тогда станешь".....

Началась уборка. Вся наша организационно-производственная работа в колхозах пошла на смарку. Чтобы как-то убирать, правления колхозов шли на компромис с колхозниками и главное за чем нам пришлось следить

- это чтобы не растаскивали снопы по домам. Хорошо, что из города прислали несколько десятков уполномоченных и мы все же имели больше глаз в колхозах. Одновременно начали работать молотилки и зерно должно было немедленно отвозиться государству. Но колхозники требовали прежде всего выдать им хоть немного на харчи, что и делали председатели колхозов. Там же, где были более твердые коммунисты они держались полученных указаний райкома и ничего пока не выдавали, из-за чего прекращалась жатва и молотба. Солнце жгло немилосердно и местами хлеб начал осыпаться на корню. МТС своими уборочными машинами могла пока охватить ничтожную площадь. Приехав в один из таких забастовавших колхозов, я не смог ничем вынудить людей приступить к работе. Убедившись, что многие действительно не имеют совсем хлеба я разрешил пока выдать по пуду на человека и работа возобновилась. Узнав об этом уполномоченный окружкома настоял, чтобы мне объявили выговор за "разбазаривание" колхозного зерна, то же сделали и с другими уполномоченными, а некоторые председатели колхозов за выдачу понемногу хлеба колхозникам были сняты с работы, иные же арестованы, как "саботажники хлебозаготовок". Ясно, что выдача хлеба колхозникам совершенно была прекращена. И если до этого было трудно заставить людей работать, то теперь во многих колхозах работа прекратилась вовсе, но зато ночью во-всю шла жатва для себя. Конечно, кого ловили, тот арестовывался. Началась массовая порча жнеек. Было несколько случаев, когда вместе со снопами в молотилку попадал зуб от бороны, или от вил, специально сунутый в сноп, отчего барабан молотилки портился и работа прекращалась иногда на несколько дней. Где же работа шла, наблюдалась большая небрежность и много зерна гнило. Колхозники говорили: "робы й грудмы не будеш людьми". Все равно нам пользы никакой нет, как бы мы хорошо не убрали". Начались пожары, губящие иногда по сотне и больше гектаров стоящего на корню и сухого как костра хлеба. Я не раз обжигался при тушении их так, что волдыри вздымались на руках и лице. Однажды горел большой участок пшеницы. Правленцам удалось выгнать человек 100 колхозников, которые медленно подошли к горевшей площади. Стараясь увлечь их примером я схватил лопату и стал забивать огонь. Огромные языки пламени длиною в несколько метров порою бросались далеко вперед, зажигая таким образом всю захваченную ими площадь. ~~Когда я забивал огонь меня охватило со всех сторон пламенем и я еле выскочил из него. Но одежда на мне горела и лишь начав кататься по пашне я потушил~~

одежду. Колхозники лишь посмеивались глядя на это величественное и вместе с тем жуткое зрелище пожара, охватившего полосу почти в километр шириной. Стоял страшный треск и шум от этого пожара. Когда я обожженный с обгорелыми бровями и ресницами обратился к колхозникам, пытаюсь их устыдить, за их полное безразличие к гибели хлеба, они отвечали: "Если бы это был наш хлеб, а это же чужой-казенный, чего же мы будем обжигаться, как вы". Так и сгорели гектаров 150 пшеницы. ~~Но несколько нельзя было найти виновников вредительства и пожаров, пришлось установить систему ответчиков как среди колхозников так и обычно ГПУ всегда находило "виновников" единоличников. На собрании зачитывался список этих людей, туда обычно включались, как почему либо подозрительные, так и более менее влиятельные люди. За все чтобы не случилось часть их подвергалась аресту, как правило они "признавались" в своей причастности к тому или иному акту саботажа или вредительства, после чего их судили. Только таким образом удалось приостановить недобные акты.~~ Очень много навредили нам большие дожди, выпавшие на скошенные, но не связанные хлеба. Кроме того, перестоявший хлеб после дождей сильно осыпался. Если уборку с горем пополам закончили, то с молотью и хлебозаготовками дело продолжало идти чрезвычайно туго. План же хлебозаготовок району был дан колоссальный - миллион восемьсот тысяч пудов. По нашим подсчетам, про себя, мы его не могли выполнить. Естественно, приходилось в колхозах забирать все зерно, чему противились не только колхозники, но и правления колхозов и местные коммунисты. Такое точно положение было и в других районах, и местами колхозы стали разваливаться. Единоличники же спешили поглубже спрятать свой хлеб. ЦК решил, что руководство центра нужно приблизить к местам, иначе неизвестно, что получится с хлебозаготовками и с колхозами. Такое промежуточное звено как округа, за которыми часто как за ширмой центр не мог видеть, что делается на местах, были упразднены и за счет многочисленных кадров окружных руководящих работников были укреплены районы. Районами отныне должен был руководить непосредственно ЦК КП/б/У, имевший около 550 районов.

Сначала к нам приехал на должность председателя райисполкома бывший заместитель председателя окрисполкома. Дело с хлебозаготовками не двинулось с места, а из колхозов продолжались выходы, ибо крестьяне предпочитали ограничиться лишь приусадебными участками и вложить в них весь труд - неоплачиваемому труду в колхозах. Последовало решение

ЦК КП/б/У о снятии с поста секретаря райкома партии и, как несправившагося с работой послать его на должность секретаря сельской партячейки нашего района. Конечно, большого наказания нельзя было и придумать. И вот остался я замещать секретаря, пока ЦК пришлет человека на эту должность. Прошло всего пять дней со времени снятия секретаря, как вдруг к нам заехал инструктор ЦК КП/б/У. Он сделал заключение, что дело в районе обстоит очень плохо потому, что райпартком няньчится со своими уполномоченными на местах и с местными коммунистами. "Пока вы не станете беспощадно гнать из партии и предавать суду ваших коммунистов, до тех пор они не возьмутся за крестьян", так сказал мне и председателю РИКА инструктор ЦК. Через несколько дней я получил постановление ЦК КП/б/У в котором за "либеральничанье с коммунистами, проваливающимися хлебозаготовки и разваливающимися колхозы, за благодушие и мягкотелость" мне был объявлен строгий выговор, а председатель РИКА, не успев еще и усесться, как следует в кресло, был снят с работы. Я не знал что мне предпринимать. Оставалось только одно - всех местных коммунистов исключать подряд из партии и отдавать под суд, а закончить членами райкома. Мне казалось положение совершенно безвыходным. Я понимал, конечно, что это не так. Я знал, что я попросту не умею найти выход. Я предполагал, что если бы действительно прижать к стенке каждого коммуниста, то и он в свою очередь нашел бы какой то выход. Нужен был всего на всего террор и жестокость. Я же не имел еще такого опыта, не бывал еще на столь ответственной организационно-партийной работе и особенно в такой необыкновенной обстановке. Кроме того, я как говорится, "сросся" с коммунистами района и сдружился с ними и я просто не был способен на террор в отношении к ним. И даже если бы я их исключал из партии, этого они не ощущали бы как сильный удар, ибо важна не только сила удара, но и кто его этот удар наносит. Требовался чужой и, возможно более жестокий человек, готовый перестрелять половину коммунистов, если этого потребует дело. Такого человека нам вскоре и прислали на должность секретаря райпарткома. Коммунисты занимающие самые высокие посты в районе при встрече с ним содрогались от страха. ЦК делал правильный подбор. Лишь подобрав жестоких и беспощадных людей, к тому же, конечно, не глупых, он сумел встряхнуть районные парторганизации, и сделать их довольно боеспособными. Конечно, для достижения полной боеспособности нашей районной парторганизации пришлось принести немало коммунистов в жертву. Но за то внушенный

страх за свою судьбу остальным, сделал их в свою очередь более находчивыми и жестокими. Я же не мог этого сделать с парторганизацией. Для воспитания в себе естественного чувства жестокости требуется, повидимому, длительный опыт и страх за себя. Возможно, что со временем и у меня разовьется это качество. Во всяком случае новому секретарю удалось остановить развал колхозов и двинуть хлебозаготовки.

(Вставка Именем Народа.)

Завершение сплошной коллективизации.

Посредством метода Голованя районный план хлебозаготовок в течение одной недели был перевыполнен. По единоличникам был нанесен почти повсюду столь же жестокий удар, как и в Степановке. Почти все они были лишены хлеба и оказались в условиях не лучше колхозников. Кроме того, на них висел громадную тяжестью совершенно непосильный денежный налог. В этом отношении они были поставлены в положение еще более тяжелое нежели колхозники. Райпартком не зевал. Пользуясь состоянием растерянности истерзанных и напуганных единоличников, он решил послать по району бригады для завершения сплошной коллективизации. Было создано три бригады в количестве около 200 человек. Во главе бригад стояли люди отличившиеся на хлебозаготовках, а именно: Головань, Шварцштейн, работавший зав. плановым отделом райисполкома, и Петуховский из городских уполномоченных - директор института. Каждая бригада состояла из колхозного актива, проявившего свою жестокость во время раскулачивания, а затем хлебозаготовок. Головань взял к себе в бригаду 20 человек из своей Степановской ударной бригады. При каждом руководителе бригады было несколько отборных коммунистов, показавших свои организаторские способности во время хлебозаготовок. Кроме того, в каждой бригаде была группа для культурной работы, состоявшая из духового оркестра, небольшого хора и рассказчиков. Сюда входило по несколько учителей и студентов, находившихся на хлебозаготовках. Каждая группа имела волшебный фонарь. Дабы воинственный дух бригад не изсяк, через кооперацию и колхозы было

организовано всюду хорошее питание.

Секретарь райпарткома под звуки "интернационала" открыл вступительную конференцию бригад и произнес горячую речь о той великой миссии, которую предстоит выполнить бригадам. Его речь бесспорно сильно воодушевила отборных колхозников и они, что называется, рвались в бой. Затем руководители провели собрание своих бригад, познакомили их с предстоящими методами работы и с маршрутами. Каждая бригада должна была охватывать своей работой один сельсовет. Все бригады должны двигаться параллельно с тем, чтобы руководители их могли ежедневно съезжаться на совещания. Старшим среди равных руководителей бригад был назначен Головань, поэтому его бригада должна была двигаться по центральному маршруту.

Под звуки оркестров бригады торжественно выехали из центра. Все колхозники члены бригад были хорошо одеты и обуты в вещи раскулаченных и их не пугал зимний холод. Я находился в бригаде Голованя. По приезде в село наша бригада разделилась на тройки. Первые тройки должны были идти с улыбающимися лицами по хатам единоличников и "сватать" их в колхоз, объясняя им, какое "счастье" "богатство" и "радость" их там ждет. Причем эти тройки должны были лгать, что в их колхозах уже теперь "райская" жизнь. Вслед за этими тройками должны были следовать вторые - с суровыми лицами и проверять выполнение налогов, представляя из себя как бы особую финансовую бригаду. Поскольку все единоличники имели большие недоимки, то "финансовая" тройка ставила условие, что если единоличник в течение двух часов не внесет причитающийся с него налог, то его имущество будет конфисковано и продано для покрытия налога. Заранее были приготовлены списки единоличников, удар по которым мог отразиться на устойчивости и других и заставить их идти в колхоз. Имущество этих крестьян подвергалось "финансовой" тройкой описи. После этого тройка с суровыми лицами уходила, якобы предоставляя единоличнику самому решать будет он платить налог, или не будет. О колхозе эта тройка не заикалась. Вслед за ней появлялась третья тройка. Это снова были "сваты" с веселыми лицами. Когда бедный единоличник начинал им жаловаться на свою судьбу и говорил, что имеет от "финансовой" тройки два часа сроку для уплаты налога под страхом конфискации имущества, то "сваты" выражали горячее "сочувствие" и старались усугубить чувство страха перед "финансовой" тройкой. Но тут же указывали ему как на выход из положения - на

вступление в колхоз, поскольку налог сразу же будут уменьшен до уровня, какой платит колхозник. Выхода не было и большинство единоличников искало "спасения" от налога в колхозе. Иные это делали как бы временно чтобы укрыться от налога, но они уже не могли выбраться раз попав туда. Вернее, они могли попросту не идти на работу, но сданное имущество нельзя было получить обратно. По уставу колхоза расчет с вышедшими из колхоза мог производиться лишь в конце года. Причем, вышедший мог получить за сданную им лошадь или инвентарь только деньгами, по государственным ценам, что фактически тоже редко делалось. Таким образом, пройдя село бригаде удавалось завербовать в колхоз большинство единоличников. К тем, чье имущество было описано и они еще не заявили о готовности вступить в колхоз, по истечении 2 или 3 часового срока являлись тройки сопровождаемые членами финансовой секции сельсовета. Если единоличник тут же в последний момент не решался вступить в колхоз, его имущество конфисковалось. Таких обычно было несколько хозяйств на село. Другие единоличники тоже еще не решившие как быть, услышав об этом, спешили вступить в колхоз. Вечером в помещении избы-читальни играла музыка, показывали картины, а также пели и декламировали или рассказывали что-нибудь. Иногда давали лекции преимущественно на антирелигиозные темы. Обычно после такого вечера молодежь танцевала.

Так село за селом проходила бригада "подчищая" единоличников. В одном селе, вечером, в избе-читальне помещавшейся в церкви начал играть оркестр. Но каково было удивление всех, когда кроме нашей бригады и десятка человек местной молодежи больше никто не зашел. Около сотни человек молодежи топталось на улице за оградой. Пришлось перенести вечер в школу, а для "несознательной" молодежи прочесть безбожную лекцию. Двигаясь параллельно все бригады подошли к самому дальнему уголку района. В этом уголке находится сельсовет в котором коллективизацией было охвачено лишь 40% населения. 50% населения жило в двух рядом расположенных хуторах, граничивших с большим селом соседнего района, отделяемым от хуторов, ~~как и соседнего села~~ речкой поросшей густыми камышами, к которым как со стороны хуторов, так и соседнего села прилегали сады.

Хутора были одним из самых "тяжелых" населенных пунктов района. О коллективизации они не хотели и слышать. Хлеба сдали самое малое количество. Даже методы Голованя здесь не были применены во первых

потому, что еще никому не удалось никакими средствами отколоть от хуторян хоть одного человека, а во-вторых при всяком движении в направлении хуторов даже маленькой группы в три человека хутора вымирали. Появившаяся бригада всегда неизменно видела одно и то же - замки на всех без исключения хатах. Меж двух хуторов, как бы связывая их находилась большая усадьба. Из-за плотного высокого забора с гвоздями наверху виднелся новый красивый домик под зеленой жестяной крышей. Можно было стучать хоть день целый - никто не откликнется. Одни лишь собаки надрывались в ответ. Здесь жил хуторянин, бывший красный партизан и орденосеиц, о героизме которого ходили среди крестьян легенды. Местные власти утверждали, что влияние партизана на крестьян /хуторян/ безгранично. Хуторяне его очень уважали и на перебой старались услужить ему, благодаря чему он без особаго труда здорово разжился. Говорили, что даже его постройки сделаны руками хуторян бесплатно. В период раскулачивания в хуторах было раскулачено по десятку семейств, но все равно ни один человек не пошел в колхоз. Больше того, раскулаченным посылалось от всех остальных крестьян столь обильная помощь, что они стали богаче прежнего. За день до предстоявшего выселения все они со своим вновь приобретенным имуществом исчезли. Действительно ли секрет такой удивительной спайки, такой, взаимопомощи и подлиннаго братства был в партизане - неизвестно. Хутора были окутаны тайной. Характерно, что у них не было бедняков. Существовал свой фонд взаимопомощи и каждый нуждающийся неизменно получал достаточную поддержку. Повидимому это обстоятельство обуславливало провал всякой попытки таких мастеров по расколу крестьян, как Головань и Шварцштейн найти хоть маленькую опору в хуторах.

Во время хлебозаготовок бригада сельсовета руководимая уполномоченными взломала в хуторах амбары, где хранился общественный фонд взаимопомощи и забрала все зерно. Как обычно в это время хутора были мертвы, а после был разговор, что немедленно после грабежа фонды были вновь созданы, но уже хорошо припрятаны.

Раньше чем идти в наступление на хутора руководители бригад долго совещались. Еще до выезда бригад судьба партизана была предрешена. Предполагая, что его исключительная независимость и пренебрежение к распоряжениям власти возможно объясняются особо важно тайной службой, райпартком заручился согласием ГПУ на любые репрессии. Установка вышестоящих органов на этот счет была твердая - громить, не взирая

на лица и любые заслуги, раз этого требуют интересы партии. Все три бригады должны были действовать сообща. За два часа до разсвета одна бригада была послана в соседнее с хуторами село чужого района. Она должна была соблюдать полную тишину и расположиться по речке цепью вдоль всей хуторской границы. Остальные две бригады должны были также тихо пробраться в хутора, но не по улицам, а охватив их кольцом от полей, после чего по одиночке осторожно проходить в село и занимать двор за двором, с тем, чтобы никакое движение хуторян не могло ускользнуть от наблюдения бригадников. Четыре человека должны были наблюдать за усадьбой партизана. Для успокоения хуторских собак все члены бригад были снабжены хлебом. Зоркие хуторяне, жившие уже почти целый год в необыкновенной напряженности, заметив, что со стороны полей появляются какие то фигуры хватили своих достаточно приученных к молчанию детей, запирали хаты и одни уходили в погреба, а другие устремлялись к речке с намерением пробраться в чужое село, где они уже непервой прятались. Но на этот раз их перехитрили. Ушедшие в соседнее село попадали прямо в руки бригады, а спрятавшиеся в погреба не ускользнули также от глаз бригадников, успевших пробраться в усадьбы. С разсветом все хуторяне были водворены в свои хаты и должны были принимать непрошенных гостей, охвативших почти все хаты. Затем началась обычная история с тройками. Первую тройку хуторяне встречали как дурную, неподходящую для них шутку, но зато вторая тройка оказалась для них грозой. Тройки имели задания произвести опись имущества каждого третьего хуторянина. Хутора впервые наполнились сплошным криком. Кое-кто пытался бежать из дому, бросив все на произвол бригад, но вокруг хуторов стояла охрана никого не выпускавшая. Большая группа бригадников среди которых не было никого из начальства, решившего всю самую черную работу, вроде взлома ворот, произвести "без своего ведома", напрасно уже целый час ломались в ворота партизана. Но кроме собак никто не отзывался. Тогда бригадники стали перебираться через забор и открыли ворота изнутри, навстречу им появился партизан с двухстволкой в руках и остановился, грозя стрелять, если они не уберутся по добру. Однако к нему смело подошел улыбаясь Степановский Горобец и приветствовал: "здоров, братишка! Неужели не узнаешь? Вместе ведь воевали." Они не были знакомы, но эти слова заставили партизана опустить ружье и, глядя недоверчиво, поздороваться. Подошли и остальные. Партизан извинялся, что так встретил, к чему его понудил необычный способ появления "гостей"

во дворе и он их принял за каких нибудь воров или грабителей.

В открытые ворота влетел фаэтон воинственного Петуховского с двумя интеллигентными особами. Притворно оборвав беседу бригадников с партизаном Петуховский обратился к нему: "Мы финансовая инспекция. В виду того, что вы являетесь злостным неплательщиком налогов, мы сейчас произведем опись вашего имущества, и если через два часа налог не будет уплочен все будет конфисковано. О каких либо отсрочках даже на один день не может быть и разговоров, ибо в вашем лице мы имеем опаснейшего врага сов.власти - кулака, живущего чужим трудом." На заявление партизана, что он воевал за советскую власть и имеет ордена Петуховский ответил: "за это вам спасибо. Но теперь вы переродились и стали опаснейшим врагом советской власти, и мы должны конфисковать ваше имущество".

Во двор въехала бричка Голованя. Обращаясь к Петуховскому Головань спросил: "Ну что он платит налог этот гражданин?" Петуховский ответил, что если через два часа не уплотит, то все его имущество будет конфисковано, а сейчас начнется опись. Тогда Головань сказал партизану: "я приехал сюда с бригадой по коллективизации. От ваших хуторян я узнал, что вы кулак и эксплуататор посредством обмана и террора уже год как удерживаете людей от колхоза, организуете теми же вражескими мерами саботаж крестьян против хлебазаготовок и уплаты налогов и сборов. Устраиваете с крестьянами тайное обсуждение всех происходящих событий и замышляете вооруженную борьбу против советской власти, а поэтому, независимо от уплаты вами налогов вы будете раскулачены и вместе с семьей голые и голодные, как того заслуживаете, будете отправлены в ссылку." Во двор то и дело подходили бригадники, а также вошло много хуторян. Этот вымысел Голованя о том, что такие "сведения" он "почерпнул" от хуторян сильно подействовали на партизана. Пока он что-то соображал Головань крикнул своим бригадникам: "Давайте вместе с фининспекцией делайте опись имущества. Петренко, гоните сюда подводу под семью раскулачиваемаго." "Но позвольте, позвольте, говорил партизан, я же еще и слова не успел сказать". "Довольно оборвал Головань, - вы уже достаточно сказали слов своим односельчанам и за это сейчас расплачивайтесь. Плачь детей и жены партизана сильно на него действовал. Он в растерянности то бил руками об полы, то хватался за голову. "Где ваш орден? спросил Головань. Сдайте его мне". Тот сдал. "Вот так, сказал Головань, из орденосца героя, да врагом стал и семью свою загубил."

Группа бригадников начала опись. "Скажите, что мне делать. Поверьте я не враг. Вам недобрые люди лишняго наговорили. Что мне делать?" в отчаяньи спрашивал партизан, видя, как у него на глазах каждая вещь его становится чужой.

"Ничего вам больше не осталось делать" как бы нехотя ответил Головань, "оставить ваше имущество вам мы не можем, по вашим действиям не имеем права, в колхоз вас допустить не можем..." "А почему бы меня в колхоз не допустить, неужели думаете я хуже других людей работать умею, неужели вы верите, что я чужим трудом живу"? сказал убитый горем партизан. "Да и колхоза то у вас нет" заметил Головань.

"Нет, так может быть", ответил партизан.

"Хорошо", деланно сказал Головань прищутив глаза. "Если вы организуете колхоз, то мы посмотрим, может быть смягчим вашу ответственность". "Соберите к вечеру людей и поставьте вопрос о коллективизации. Я не уверен, что все пойдут в колхоз, но большинство пойдет" сказал партизан. "Хорошо, согласился Головань, но опись вашего имущества мы все же проведем."

По обеде все жители обоих хуторов собрались на сходку. После краткаго слова Голованя о выгодах колхознаго хозяйства и об облегчении налогового бремени для вступивших в колхоз, выступил партизан. Он говорил о том, что он не знает какая жизнь будет в колхозе, но он за колхоз так как иных дорог для крестьянина теперь нет. Излишне было говорить, что есть иная "дорога" для него и для одной трети населения хуторов, у котораго сделана опись имущества - это сегодня же остаться без угла и без рубашки. Хуторяне без радости и восторга, а молча и пассивно согласились организовать колхоз, будучи подготовлены к этому партизаном обошедшем дворы многих хуторян. Действительный авторитет и влияние партизана выявились при выборах правления когда оживившиеся крестьяне все как один назвали его фамилию на должность председателя колхоза. В этот же день был обобществлен скот, инвентарь и зерно хуторян. Так пал последний бастион единоличного крестьянского хозяйства в районе.

Для бригад блестяще справившихся с поставленной пред ними задачей вечером 6 января в районе был устроен банкет, изобиловавший водкой и закусками. Весь вечер попеременно играли три оркестра. Пьяные бригадники и бригадницы танцевали до упада. Затем членам бригады, колхозникам и колхозницам были выданы в подарок разнообразные

"кулацкие" вещи.

Этот же вечер, являвшийся рождественским сочельником миллионы верующих крестьян проводили в глубокой скорби, надеясь лишь на рождающегося Спасителя.

Удушение последних единоличников.

~~С каждым годом~~ Условия для немногочисленных единоличников становились все более и более невыносимыми и количество их таяло. Земля отводилась единоличнику неудобная, требующая нечеловеческих усилий для своей обработки. Иногда же власти давали умышленно очень большой план сева, чего он на столь неудобных землях не мог выполнить: прибегнуть к чьей либо помощи единоличник не мог, так как он тогда попадал в разряд кулаков и раскулачивался, как "эксплоататор". Невыполнение же плана сева неизбежно вело к отдаче его под суд, который руководствуясь классовой установкой посадит его в тюрьму, или наложит денежный штраф, для покрытия которого будет конфисковано имущество.

Остается один выход для такого единоличника - идти в колхоз.

Бывало иному удавалось выполнить план, но только не теми культурами, которыми он должен был согласно плана сеять. Допустим по плану он должен был посеять гектар пшеницы, но не имея семян, засеял рожью. Тогда он как и в первом случае рассматривается как саботажник и подвергается каре. Но вот нашлись счастливицы, которые сумели преодолеть все трудности и выполнить план сева по площади, по культурам и даже вложились в установленные по государственному расписанию сроки. Они тщательно ухаживают за посевами, рыхлят их, пропалывают, с вредителями борются. Приходит пора хлебозаготовок. Сколько бы они не сдавали хлеба все равно от них будут требовать еще. Будут требовать 100-200-300% возможного урожая. На ряду с хлебозаготовками потребуют и денежные налоги, да в умопомрачительных размерах. А ведь кроме налогов нужно платить разные прочие сборы в том числе и "добровольно-принудительные", как самообложение или займы. Все эти заготовки хлеба, овощей, корнеплодов, все эти денежные поборы являются экономическими рычагами в руках государства для удушения единоличника. Кто этот пресс выдержит, тот еще останется на какой то срок единоличником. Большинство его не выдерживает. Имущество одних конфискуется и они идут бродить в поисках лучшей доли, другие не допуская до этого, идут "добровольно" в колхозы. Чудом уцелевшие, снова получают планы сева.

Но земелька политая их потом и кровью, которую они из совершенно неудобной превратили в вполне пригодную для посева, на этот раз отчуждается и. переходит колхозу. Единоличники же снова получают неудобку, да порой хуже чем получили в прошлом году. Здесь начинается тот же круг издевательств, посредством планов, налоговых прессов и т.д. Опять поредели ряды единоличников. А там смотришь придумали "красные тока". Государство хочет "помочь" единоличникам молотью. Эта молотья где либо на поле вдали от села кончается тем, что единоличник получит немного отходов, и то не всегда. Все же зерно заберет государство прямо из под молотилки в качестве хлебазаготовок и платы за "помощь молотилкой". Солома же и мякина иногда будет зачислена колхозу в виде какой либо компенсации хотя бы за то, что по его дорогам единоличник ездит. Случается и так, что без лошаднему единоличнику просто запрещают ступить на свои посеы. Колхоз их косит и молотит хлеб, а ест его ... государство. Опять положение безвыходное. Или в город уходить где то на строительство, или же в колхоз. Голод 1933 года окончательно добил единоличника и он исчез в лица Украины и Кубани. Единоличники уцелели лишь в северных лесных районах Украины.

В Белоруссии, в западной области и во всех прочих более северных областях единоличное хозяйство в то время еще являлось господствующей формой. В этих областях коллективизация могла осуществиться и попозже. Главная цель поставленная Сталиным прибрать к рукам государства житницу страны - Украину и Кубань, была достигнута. Сельское хозяйство было полностью перестроено на "социалистические" рельсы, что окончательно и бесповоротно было закреплено посредством голода, встряхнувшего психологию людей и поставившего на первый план борьбу за существование в каких бы хозяйственных формах она не происходила.